

0: Международный порядок: в поисках новых правил

Сила права вместо права силы

Фундаментом системы — которая сформировалась после окончания холодной войны и строилась по принципам прямо противоположным миропорядку, основанному на взаимном устрашении — стали такие либерально-демократические ценности и нормы, как демократический строй, верховенство права, политический плюрализм, рыночная экономика, свобода слова, соблюдение гражданских прав и свобод, толерантность, уважение достоинства и прав человека во всех сферах его деятельности. Было принято положение, что вместо биполяризма, основанного на равновесии сил и философии «исключительности» (exclusiveness), появится новый порядок, базирующийся на взаимозависимости, гармонизации интересов и «включении» (inclusiveness). Решающим фактором должны были стать не столько военная сила и экономическая мощь, сколько морально-этические ценности и верховенство права. Другими словами, новый международный порядок должен был основываться — иначе, нежели в период биполяризма — не столько на праве силы, сколько на силе права. В девяностые годы в глобальной стратегии США получила популярность концепция продвижения в мировом масштабе демократии и «смены режимов» (regime change) — с диктаторских и деспотических на демократические, опирающиеся на нормы и процедуры правового государства. Принятый во время варшавской встречи 108 министров иностранных дел документ, озаглавленный «К сообществу демократий», формулировал программу действий для стран, правление в которых должно осуществляться с уважением принципов демократии, а также для стран, декларировавших свое стремление к демократической форме власти¹ Конференция в Варшаве (май 2000 г.), созданная по инициативе государственного секретаря США Мадлен Олбрайт и министра иностранных дел РП Бронислава Геремека, должна была документировать волю к формированию международной системы безопасности, опирающейся на демократические основы. Ее результаты в форме принятой Варшавской декларации «К сообществу демократий» (Towards Community of Democracies) были опубликованы в специальном номере ежеквартальника «Справы мендзынародове» 2000, №2, а также (в оригинальной английской версии) в «Polish Quarterly of International Affairs» 2000, т.9, №2 — Supplement.

Более чем пятнадцатилетний опыт функционирования институции под названием «Сообщество демократий» — свободной структуры, созданной во время учредительной конференции в Варшаве — вызывает обоснованный скептицизм. Это касается как идеалистических предпосылок ее инициаторов, так и реального воздействия такого рода многосторонних встреч и дебатов на решение жизненно важных мировых проблем. После Варшавы дискуссии были продолжены в Сеуле (2002), Сантьяго (2005), Бамако (Мали, 2007), Лиссабоне (2009), Кракове (2010), Вильнюсе (2011), Улан-Баторе (2013) и Сан-Сальвадоре (2015). Институционализация поддержки развития демократии имеет определенное значение. Однако ее важность состоит не столько в словесных декларациях и очередных согласованиях, сколько в применении на практике принятых принципов и норм. Одним из следствий Варшавской декларации было создание в рамках подготовки к конференции министров в Сантьяго в сентябре 2014 г. Демократического клуба ООН. Позже возник Неправительственный процесс сообщества демократий (Non-Governmental Process for the Community of Democracies) с Международным руководящим комитетом (International Steering Committee), состоящим из 21 представителя общественных организаций, представляющих все регионы мира, с Международным секретариатом в Варшаве. Был также создан Международный консультативный комитет (International Advisory Committee). В кругах либерально-демократических мыслителей и руководителей порой господствует убеждение, что договоренностей и нормативных согласований достаточно, чтобы на их основе сформировался новый международный порядок. Это не так.

Новые идеи и старая политика

Конфликты в Афганистане и Ираке, а также волнения в арабском мире красноречиво свидетельствуют о том, что во многих регионах мира либеральные ценности западных демократий не воспринимаются в качестве фундамента глобальной системы безопасности^{См. подробнее: T.Flockhart и др., „Liberal Order in a Post-Western World”, Washington 2014.}. Отсюда следует научное и практическое требование, чтобы — с учетом гетерогенного характера современного мира — западные государства, принадлежащие к трансатлантическому сообществу (Европа, США и Канада), предприняли усилия и совместно с другими странами — в том числе недемократическими — выработали нормативный консенсус, на котором основывались бы новые правила международного порядка.

В этом направлении устремлялись инициативы различных групп мыслителей, ученых и бывших политиков, как, например, Aspen Ministers Forum (AMF), которым руководит Мадлен Олбрайт; Euro-Atlantic Security Initiative (EASI), под разработками которой подписываются бывшие политики из США, России и Германии (сенатор Сэм Нанн, Игорь Иванов — бывший министр иностранных дел Российской Федерации и Вольфганг Ишингер — бывший статс-секретарь немецкого МИДа), или, наконец, European Leadership Network (ELN), институт, созданный по инициативе бывшего министра обороны Великобритании Дезмонда Брауна — с участием исследователей и экспертов из стран Европейского союза, а также России и Турции. Совместные отчеты и постулаты этих групп — хотя и получили некоторую известность и стимулировали международную дискуссию — всё же не повлияли на позицию государств. Ср., например, опубликованное на страницах «Газеты выборчей» (28 ноября 2013) совместное письмо «Давайте расширим понятие Европы», авторами которого были Дез Браун, Игорь Иванов и Адам Д. Ротфельд.

В интеллектуальных дискуссиях мыслителей Запада постепенно созревает осознание того, что в основах новой глобальной системы и мирового порядка должно учитываться, что либеральную демократию, а также ее ценности и принципы признает лишь часть высокоразвитых государств, в особенности, трансатлантическое сообщество.

Всего, при общем числе 193 стран-членов ООН, едва ли одна треть признает и применяет на практике либерально-демократический способ осуществления власти. Иными словами, требование согласования новых правил и кодекса поведения государств в делах, связанных с международной безопасностью, полностью обосновано. В любом случае, следует принять допущение, что не все члены такой системы будут руководствоваться ценностями либерально-демократического сообщества.

Востребованная нами кооперативная система безопасности, в которой учитывалась бы сложность и взаимозависимость современного мира, должна предполагать необходимость и потребность в непрерывной мирной трансформации. На практике это означает адаптацию к новым условиям и согласие с уменьшением значения старых сил, а также принятие растущей роли «восходящих держав».

«Сама переменность силы является ее постоянной чертой, тогда как изменяется ритм изменений — доказывает французский политолог и дипломат Пьер Бюлер. — Резкий разрыв с прошлым контрастирует с постепенной эволюцией, поддерживающей видимость стабильности, в соответствии с классической схемой периодов мира, перемежаемых войнами, после которых мирные договоры санкционируют новый расклад сил» Pierre Buhler, *La Puissance au XXIe siècle. Les nouvelles définitions du monde*. CNRS Editions, Paris 2011. Цит. по переводу на польский: *O potęgę w XXI wieku*, tłum. G. Majcher, Warszawa 2014, s. 494.

Мы являемся свидетелями и участниками именно такого исторического этапа. Мы живем в мире, не соответствующем концепциям полярности, на которые часто ссылаются как политики, так и исследователи. Мы не живем в мире, в котором международным порядком управляет один гегемон (однополярная модель). Но это и не тот порядок, при котором мировые державы имеют право обладать «зонами влияния» либо «зонами привилегированных интересов» (многополярная модель). Разрушение биполярной системы привело к ситуации, в которой формируется порядок нового типа. А именно — сила и могущество носят распределенный, полицентрический характер. Тогда как согласованные в прошлом правила и нормы частично относятся к миру, который безвозвратно исчез. И хотя этого мира уже нет, а его принципы и нормы требуют срочной адаптации к новой действительности и иным условиям, попытки согласования новых норм и правил сталкиваются с сопротивлением материала. Своеобразный «вакуум» пытаются использовать некоторые из держав — глобальных игроков на мировой сцене. Они стараются в одностороннем порядке навязать свои правила поведения. Иллюстрацией такой «новой игры без правил» является попытка подчинить Украину нормам «русского мира». Понятие «русский мир» предполагает, что это духовное сообщество стран, для которых ключевое значение имеют язык, религия, традиция. Ее политическое измерение должно определяться тем, что центром притяжения для «русского мира» является Россия. Название этого мира отсылает к Руси, а не к России.

Приоритетной задачей, стоящей перед трансатлантическим сообществом демократических государств, является разработка нового кодекса и системы норм и процедур, которые эффективно защищали бы основы их либерально-демократического строя. Ведь только международный уклад, основанный на ценностях демократии, является гарантией мира, свободы и благосостояния.

Итоговые замечания

31 октября 1958 года в своей инаугурационной речи в Оксфордском университете Исайя Берлин привел высказывание столетней давности, в котором Генрих Гейне предостерегал французов от недооценки силы идей: «философские концепции, лелеемые в тишине профессорских кабинетов, могут уничтожить цивилизацию». Он говорил о «Критике чистого разума» Канта как о мече, которым отрубили голову европейскому деизму, а труды Руссо описал как окровавленное оружие, послужившее Робеспьеру для уничтожения старого порядка: он

предсказал, что романтическая вера Фихте и Шеллинга — со страшными последствиями благодаря их фанатичным немецким ученикам — когда-нибудь обернется против либеральной культуры Запада^{Isaiah Berlin, Cztery eseje o wolności, tłum. D. Grinberg, D. Lachowska, J. Łoziński, wyd. „Zysk i S-ka”, Poznań 2000, s. 184.}

Исайя Берлин иронично подытожил этот вывод замечанием, что «факты не вполне подтвердили это предсказание. Однако, если — продолжал Берлин — профессора, действительно, обладают столь поразительной властью, то не означает ли это, что лишь другие профессора или, по крайней мере, другие мыслители (а не правительства или парламентские комиссии) способны их разоружить?»^{Там же.}

В Польше Лешек Колаковский, Бронислав Геремек и Зигмунт Бауман, без сомнения, принадлежали к числу тех мыслителей, которые вовремя заметили угрозу. Они также взяли на себя труд теоретической и практической разработки концепции «человеческой безопасности» (human security). Своим мышлением они опередили эпоху.

Выводы

Размышления на тему принципов и ценностей приводят нас к нескольким выводам:

— Ценности, а также морально-этические принципы имеют в политике существенное значение. Взгляды людей, их убеждения, столь же важны, как то, каким образом люди ведут себя и как поступают⁹. Человеческие эмоции — а не только взгляды — так же оказывают влияние на процессы принятия политиками определенных решений^{Ср. John Lewis Gaddis, On Moral Equivalency and Cold War History, “Ethics and International Affairs” 1996, vol.10, p. 147-148.}

— Мы живем в то время, когда стираются границы между внутренней и внешней политикой; то, что является внутренним, пронизано тем, что внешнее. Важны не одни концепции и стратегии, но и способы осуществления власти внутри государств. Одна из причин слабости глобального порядка состоит в слабости управления в современном мире. При этом внешняя политика теряет свое значение; она перестает быть функцией внутренней политики, но все чаще становится ее инструментом и орудием.

— В политике демократических государств ключевое значение имеют ценности, существенные для человеческого достоинства и свободы. Это требует переоценки нашего способа мышления о внешней политике и изменения подхода к самому процессу формулирования цели, а также к тому, какие средства можно использовать для достижения этих целей, для их реализации.

В этом контексте следует искать ответа на вопрос: в чем должна состоять сущность нового международного порядка?

Исходной точкой для таких новых согласований могло бы стать принятие следующих общих положений:

1. Великие державы должны отказаться от права на исключительность в определении нового порядка. Ведь новый порядок не может быть навязан; он должен стать результатом переговоров, либо — что важно и наиболее вероятно — сформироваться в процессе взаимного приспособления стран, которые совместно отвечают на новые региональные вызовы и риски.
2. Основной целью и смыслом востребованного международного порядка в период ускоренных изменений является не столько поддержание статус-кво и стабилизация, сколько управление переменами. На повестке дня стоят вопросы: Как управлять переменами? Как создать условия, дающие возможность эффективного предотвращения новой большой войны с участием ядерных держав? Для практических действий, направленных на исключение глобальной катастрофы, знание истории полезно, но новый мировой порядок, в поиске которого мы находимся, не будет функциональным, если мы примем предпосылку, что его рамки и механизмы будут определяться прошлым, а не настоящим и будущим.
3. В задачи академических кругов не входит формулировка политических стратегий. Однако они могут предложить минимальные «рамочные» критерии. Такие, которые можно применять на переговорах с участием главных актеров региональной и глобальной сцены. Модели, предлагаемые учеными и мыслителями, в большинстве своем рациональны, связны, логичны и в изложении выглядят весьма привлекательно. Дело в том, что исторический процесс часто внутренне противоречив, иррационален, не слишком логичен и далек от изящных построений теоретиков. Новый мировой порядок не обязан быть эффективным, но он должен быть эффективным.

Во втором десятилетии XXI века главные угрозы для международной безопасности носят неконвенциональный характер. Они зарождаются внутри стран, а не между ними. Источником этих угроз являются социальные неравенства мирового, а не только регионального, локального и внутригосударственного масштаба. Есть и проблемы, связанные с напряженностью между бедным Югом и богатым Севером. Серьезным вызовом стали нерешенные проблемы беженцев с охваченных войнами территорий, а также многомиллионная миграция, связанная с изменением климата, нехваткой питьевой воды и борьбой за выживание.

На повестку дня возвращаются проблемы, порождающие национальный эгоизм, ксенофобию и — не в последнюю очередь — диктатуры, деспотизм, а также другие недемократические способы правления и попрания

универсальных ценностей. Поэтому поиски неконвенциональных стратегий не могут быть направлены на построение земного рая. Не станут они и реализацией концепции философа из Кенигсберга, провозгласившего идею Вечного мира.

Новые правила международного порядка должны адекватно отвечать жизненным потребностям и ожиданиям нынешнего и следующих поколений.

Polskie Bractwo Kawalerów Gutenberga, Warszawa 2017

Перевод Владимира Окуня

1: Хроника (некоторых) текущих событий

- «Ярослав Качинский в бело-красной накидке с изображенным на груди орлом в короне сфотографировался на вершине горы Козяж в Сондецких Бескидах». («Тыгодник повшехны», 27 авг.)
- «Фото председателя ПИС в патриотическом плаще произвели фурор. Качинский стал самой настоящей звездой интернета. Благодаря дождевику в цветах национального флага Ярослав Качинский завоевал интернет. Снимки (...) стали безусловным хитом во всемирной сети. Такой волны пародий не устаивался, кажется, еще ни один польский политик! Председатель правящей партии в бело-красном дождевике пополнил ряды супергероев комиксов, появился на картине «Грюнвальдская битва», вместе с еще двумя коллегами, одетыми в такие же плащи, покорил вершину неприступной горы... (...) Председатель ПИС достиг не только вершины горы Козяж, но и вершины популярности». («Супер экспресс», 23 авг.)
- «Многие рекламные агентства молятся день и ночь, чтобы повернуть хотя бы одну такую гениальную кампанию, каких у Ярослава Качинского насчитывается уже несколько десятков», — Петр Велгуцкий. («Газета польска», 30 авг. — 5 сент.)
- «Господин председатель, я помню ваши частые визиты в Гданьск, в штаб-квартиру “Солидарности”, когда вы старались заручиться поддержкой Леха Валенсы, на которую, впрочем, вы всегда могли рассчитывать. Вы фотографировались с ним (...) во время первых свободных выборов в Сенат. Я неоднократно слышала из Ваших уст, что “Валенса, наряду с Папой — это самый известный в мире поляк”, “настоящий лидер, наделенный гениальной интуицией” и “самый реальный кандидат в президенты Польши”. (...) После того, как президент Лех Валенса уволил Вас из своей канцелярии, Вы начали предъявлять ему те же самые обвинения, которыми ранее шантажировал Валенсу генерал Чеслав Кищак. Вы и Ваши сотрудники годами ведете беспрецедентную травлю Валенсы, называя его “агентом госбезопасности”. Вы сжигали его куклу перед Бельведерским дворцом, кричали “Болек, убирайся в Москву!”. (...) Я была на Гданьской судоверфи на протяжении всей забастовки, но никогда Вас там не видела. (...) Пытаясь обесславить имя Валенсы и вычеркнуть его из истории, извращая историю “Солидарности”, Вы вредите Польше и сеете сомнения среди нас, поляков. У меня много друзей по всему миру, и они недоумевают — неужели поляки сошли с ума? Зачем они собственными руками ниспровергают свои же авторитеты? Почему сводят на нет международные позиции своей страны? Я призываю Вас прекратить свои нападки на Леха Валенсу и проявить по отношению к нему уважение, которого он заслуживает как герой “Солидарности” и создатель свободной Польши», — профессор медицины Иоанна Мушковская-Пенсон (р. 1921). («Газета wyborча», 26-27 авг.)
- «Стоит только бывшему лидеру забастовок 1980 года открыть рот, как нас тут же охватывает чувство стыда за его простецкие высказывания. Но мы практически ничего не делаем для того, чтобы на Западе “Солидарность” ассоциировалась с 10-миллионным движением, а не с простоватым гданьским электриком». «Леха Валенсу представляют как лидера, многолетнего борца за права человека. (...) Этот миф был не только высосан из пальца, но и, по всей видимости, сконструирован защитниками тогдашнего коммунистического “статус кво”. (...) Мировые СМИ (...) вещают голосом секретного сотрудника службы безопасности “Болека”, который перед каждой видеокамерой повторяет, что это он победил коммунизм и перехитрил спецслужбы. (...) Мы знаем о печальной роли Леха Валенсы, возмущаемся его фальшивой легендой и... ничего не можем с этим поделать. (...) Любой вариант лучше, чем тайный сотрудник госбезопасности, (...) чем усатый осведомитель», — Якуб Августин Мацевский. («Газета Польска цодзенне», 31 авг.)
- «В Польше разыгрывается классическая драма об отмщении. А это всегда заканчивается горой трупов. Если сюжет “Гамлета” можно свести к истории мести за отца, то в нашем случае происходит месть за брата, и этому подчинены все интересы Польши. (...) Когда с Ярослава Качинского во время его выступления в Сейме слетела маска, явив нам лик мстителя, стало окончательно ясно, что он, играя в своей драме об отмщении, не отступит ни на шаг. (...) Выход Польши из ЕС станет символическим наказанием Туска, исключением Польши из его

- сферы влияния. (...) А самое грустное во всем этом то, что люди так легко дают себя одурачить», — Ян Клата, теперь уже бывший директор Старого театра в Кракове. («Ньюсуик Польша», 28 авг. — 3 сент.)
- «Отступление ПИС от политического завещания президента Леха Качинского сопровождается тем, что правящая партия постепенно избавляется от его людей, причем во многих сферах. (...) Самые близкие его соратники либо погибли вместе с президентом, либо были исключены из ПИС. (...) В армии не оказалось места для бывшего сподвижника президента, генерала Романа Полько. (...) Не осталось людей Леха Качинского в министерствах, государственных СМИ, компаниях, принадлежащих государственному казначейству, спецслужбах и государственных агентствах. (...) Председатель ПИС, используя свою властную монополию, объявил войну государству, которое он обвиняет в смерти своего брата. Таким образом покойный президент стал покровителем правящих сил, которые во многом действуют наперекор его идеям. В книге “Последнее интервью”, сборнике бесед с публицистом Лукашем Важехной, (...) рассказывая о своем идейном выборе, он обозначил четкие границы: “Любая единоличная власть несет в себе смертельные бациллы, которые могли бы заразить меня”». (Анджей Станкевич, «Тыгодник повшехны», 20 авг.)
 - «22 июля 2017 г. (...) Польское телевиденье впервые передало заявление премьер-министра Беаты Шидло до выступления президента Польши Анджея Дуды. Тем самым акционерное общество Государственного казначейства нарушило собственные, предусмотренные регламентом принципы достоверности, объективности и добросовестности вещания. (...) Выступление избранного народом представителя верховной власти было расценено как менее важное, как второстепенное по сравнению с заявлением чиновника, назначенного этим самым президентом». (Павел Лепковский, «Жечпосполита», 26 июля)
 - «Без внесения изменений в конституцию был совершен общественно-политический переворот. Страной управляет внеконституционная структура, всё более раздираемая конфликтами, но в то же время преисполненная всё большей решимости удержаться у власти любой ценой. Они зашли так далеко, нарушили такое множество законов, что уже просто боятся», — Томаш Липинский. («Ньюсуик Польша», 28 авг. — 3 сент.)
 - «Я сейчас читаю книги по истории Германии 20-х и 30-х годов прошлого века и наблюдаю пугающие параллели. Диктатура устанавливается шаг за шагом», — проф. Ян Кубик. («Ньюсуик Польша», 31 июля — 6 авг.)
 - «“За последние месяцы нами отмечены усиление антисемитской риторики в Польше, огрубление языка, а также эскалация поведения, направленного против нашего сообщества”, — говорится в письме, с которым к Ярославу Качинскому обратились Анна Хипчинская, глава Еврейской религиозной общины в Варшаве, и Леслав Пишевский, председатель Союза еврейских религиозных общин Польши. (...) Хотя председатель правящей партии не ответил на письмо, он все-таки решил встретиться с евреями. Однако не с теми, кто подписал это письмо. (...) Артур Хоффман, председатель Социально-культурной ассоциации евреев в Польше (...) назвал письмо еврейских общин “глупым”, обвинив в “нагнетании проблемы антисемитизма”». (Анна Пшевроцкая-Адерет, «Тыгодник повшехны», 27 авг.)
 - «Насилие в отношении украинцев стало в Польше повсеместным явлением. (...) В этом году антиукраинские марши прошли, в частности, в Варшаве, Перемышле, Кутно. (...) В Перемышле и его окрестностях к украинцам относятся так же, как относились к евреям в период между двумя мировыми войнами. Интернет буквально кипит: дескать, украинцы скупают землю и дома, ведут свой бизнес, фактически руководят городом. В связи с таким отношением уже год назад бил тревогу Петр Тыма, председатель Союза украинцев в Польше. Атмосферу подогревают и действия властей. Летом прошлого года в Польше должна была выступить украинская рок-группа “От винта”, однако музыкантов (...) остановили на границе. В июле прошлого года Сейм принял резолюцию об украинском геноциде в отношении поляков. В марте этого года правительство отказало в дополнительном финансировании памятных мероприятий, посвященных годовщине акции “Висла” (принудительного переселения украинцев — В.К.). (...) Согласно опубликованному в апреле отчету Национальной прокуратуры, в прошлом году нападения на украинцев было в три раза больше, чем в предыдущем: в 2015 г. было зафиксировано 37 таких нападения, а в 2016 г. — 92». (Кацпер Суловский, «Газета wyborcza», 31 авг.)
 - «Средь бела дня по Варшаве “Маршем победы Речи Посполитой” прошли националисты. Манифестантов, состоявших в основном из членов “Молодежи всея Польши”, было около 150 человек. (...) Марш пытались заблокировать активисты “Граждан Речи Посполитой” и “Всепольской забастовки женщин”. Полицейские по одному выхватывали активистов, блокирующих марш, и оттесняли их на соседнюю улицу. Через несколько сотен метров полиция силой устранила очередную блокаду. Участники протеста были оштрафованы, два человека задержаны». (Агата Кондзинская, Михал Вильгоцкий, «Газета wyborcza», 16 авг.)
 - «Европейская комиссия возбудила процедуру в отношении Польши в связи с неисполнением последней обязанностей члена ЕС, сообщила в субботу Европейская комиссия в специальном пресс-релизе. (...) В закон о судах общей юрисдикции введена норма, предусматривающая разный возраст для выхода судей на пенсию, 60 лет для женщин и 65 лет для мужчин, что является дискриминацией. Комиссия также отметила, что новое законодательство предоставляет министру юстиции слишком широкие полномочия, позволяющие оказывать влияние на судей». (Иоанна Цвек, «Жечпосполита», 31 июля)
 - «“Законотворческая деятельность, направленная на реформирование системы правосудия, осуществляется в соответствии с европейскими стандартами”, — этими словами польский МИД подытожил свой ответ в адрес

Европейской комиссии. (...) 12-страничное письмо польского правительства явилось ответом на третье по счету предписание Европейской комиссии, изданное в рамках возбужденной в отношении Польши процедуры охраны законности. (...) Кроме этой процедуры, Европейская комиссия в конце июля также запустила рассмотрение дела в связи с противоречием нового закона о судах общей юрисдикции законодательству ЕС». (Лукаш Возницкий, «Газета wyborcza», 29 авг.)

- ««Мы получили ответ польского правительства. (...) Слова о том, что не в нашей компетенции проверять состояние законности в Польше, я вынуждена решительно опровергнуть», — заявила во вторник в Брюсселе пресс-секретарь Европейской комиссии Ванесса Мок. «Регламент процедуры по проверке законности четко указывает, как именно комиссия должна реагировать, если в стране, состоящей в ЕС, появляется явная угроза режиму законности. Европейская комиссия считает, что такая угроза в Польше есть», — добавила пресс-секретарь». (Лукаш Возницкий, «Газета wyborcza», 30 авг.)
- ««Я должен без обиняков заявить о своей поддержке Европейской комиссии, считающей, что правительство одной из стран, входящих в ЕС, проводит политику, противоречащую фундаментальным принципам Европейского союза. Это правительство хочет провести реформу правосудия, грубо нарушающую принципы ЕС», — президент Франции Эммануэль Макрон. («Газета wyborcza», 30 авг.)
- ««Условием сотрудничества с Европейским советом является соблюдение принципов законности», — заявила на вчерашней пресс-конференции Ангела Меркель в ответ на вопрос о Польше». («Жечпосполита», 30 авг.)
- «В четверг в Европейском парламенте состоялись дебаты о ситуации в Польше, организованные Комиссией гражданских свобод. Франц Тиммерманс подчеркнул, что ответ польских властей на рекомендации относительно состояния законности не развеял сомнений комиссии и что дальнейшие действия в отношении Польши будут зависеть от решения коллегии комиссаров ЕС». (Из Брюсселя Анна Слосевская, «Жечпосполита», 1 сент.)
- «Форум сотрудничества судей (...) опубликовал содержание резолюции, которая в действительности оказалась воззванием. (...) «Мы не согласны с передачей должностей и полномочий в режиме, предусмотренном новым законом о судах общей юрисдикции от 12 июля с.г., поскольку такие действия, будучи зафиксированы, смогут впоследствии быть расценены как соучастие в нарушениях правопорядка»». (Гжегож Бронский, «Газета польска подзенне», 17 авг.)
- «С обращением выступила Ассоциация польских судей «Юстиция». «Чрезвычайная процедура смещения председателей судов напрямую нарушает конституционный принцип разделения властей. Абсолютно доминирующую позицию в судах теперь занимает политик — министр юстиции и генеральный прокурор в одном лице, — говорится в обращении. — В этой связи мы призываем не занимать освобождающиеся в соответствии с новой процедурой должности председателей судов. За каждым таким решением стоит лишение наших коллег их полномочий, совершенное с демонстративным пренебрежением всеми принципами и нормами»». (Лукаш Возницкий, «Газета wyborcza», 30 авг.)
- «Крупнейшая ассоциация судей «Юстиция» представила Анджею Дуде проект изменений законов о Национальном совете правосудия, Верховном суде и судах общей юрисдикции. (...) «Юстиция» предлагает, чтобы не Сейм, а сами судьи выбирали 15 представителей своего профессионального сообщества в Национальный совет правосудия. Также предложено, чтобы министр юстиции назначал председателя суда не по собственному усмотрению, а выбирая его из двух кандидатур, выдвинутых судьями». («Жечпосполита», 17 авг.)
- «В новом году судей Конституционного трибунала ожидает солидная прибавка к зарплате. (...) Оклад судьи трибунала вырастет на 1 209,66 злотых и составит 24 324 злотых. (...) Председатель Конституционного трибунала получит на 1 451,58 злотых больше и станет зарабатывать (...) 30 388,96 злотых. (...) Его заместитель будет ежемесячно получать на 1 219,33 злотых больше, и его зарплата составит 25 526,73 злотых. (...) В отличие от большинства поляков, судьи освобождены от уплаты пенсионных взносов. (...) Последний раз судьи Конституционного трибунала собирались 28 июня, а очередное заседание суда состоится только 11 сентября». (Дариуш Гжедзинский, «Факт», 19-20 авг.)
- «В соответствии с решением председателя Конституционного трибунала Юлии Пшилембской, трибунал вышел из соглашения об обязательности в Польше решений Европейского суда по правам человека». «Решение председателя Конституционного трибунала — это звено всей цепочки событий. Польское правительство уже пренебрегло мнением Венецианской комиссии, Совета Европы, а недавно отказалось признавать постановления Европейского суда, распорядившегося остановить вырубку Беловежской пуши». (Лукаш Возницкий, «Газета wyborcza», 24 авг.)
- «Лицемерной, но в то же время опасной для нас является политика, проводимая структурами ЕС в интересах стран, заинтересованных в ослаблении Польши. (...) Если бы только Евросоюз мог, он прислал бы нам десятки тысяч иммигрантов, и в Польше появились бы настоящие исламские гетто. Наша страна столкнулась бы с реальной террористической угрозой и другими проблемами, связанными с этим», — Збигнев Зебро, министр юстиции и генеральный прокурор. («Наш дзенник», 31 июля)
- «16 апреля 1996 г. судья Анджей Захута дал характеристику личности Збигнева Зебро и его следственных навыков. Он, в частности, отметил иррациональный образ мышления Зебро, его склонность придавать расследуемому уголовному делу политические и идеологические акценты без всяких на то оснований, упомянул об инсинуации покушения на кражу со взломом, что в совокупности говорит «об ослаблении рационального

- мышления». Это диагноз двадцатилетней давности». (Лешек Конарский, «Пшеглэнд», 21-27 авг.)
- «Не соглашаясь на принудительное перемещение мигрантов, мы выигрываем в плане безопасности собственных граждан. Люди в Польше (...) чувствуют себя в безопасности. Во всяком случае, в большей безопасности, нежели на западе Европы», — премьер-министр Беата Шидло. («В сети», 4-10 сент.)
 - «Развернута абсурдная пропаганда, напрямую связывающая появление беженцев с терроризмом и распространением различных заболеваний. В Европе сейчас смотрят на нас и думают: а надо ли было принимать Польшу в Евросоюз?», — Рышард Бугай. («Жечпосполита», 10 авг.)
 - «Западная демократия особенно остро реагирует на разгром Конституционного трибунала и посягательства на независимость правосудия. Твердое “нет” по вопросу приема беженцев, приправленное расистскими высказываниями Качинского, превращает колыбель “Солидарности” в самую эгоистичную и всеми нелюбимую страну в ЕС. Вырубка Беловежской пуши носит печать нового варварства, которое уже сравнивают с уничтожением древних храмов талибами. (...) Польша стала заложником одержимости человека, который не понимает современного мира, зато отлично умеет вызывать отрицательные эмоции», — Януш Левандовский, депутат Европарламента.
 - «Европейский суд обязал Польшу прекратить вырубку деревьев в Беловежской пуше». (Кшиштоф Лаш, «Наш дзенник», 29-30 июля)
 - «Решение, принятое 27 июля вице-председателем Европейского суда Антонио Тиззано, в тот же день было доведено до сведения польских властей. (...) Оно подлежит немедленному исполнению. (...) Впервые с момента создания суда в 1952 году решение люксембургских судей осталось невыполненным: вырубка продолжается». (Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 3 авг.)
 - «Ради незаконной — как утверждается, в частности, в решении Европейского суда — вырубки, проводимой в Беловежской пуше, министр Шишко мобилизовал значительные силы в виде лесорубов, лесной охраны, полиции и оборудования с группой больших “харвестеров” во главе, способные вырубить и остругать до 200 деревьев в день. Не говоря уже о бригадах грузчиков и тягачах, вывозящих из пуши древесину. А вот на территории, где бушевали вихрь и смерч, мы никогда не видели ни “харвестеров” Шишко, ни самого министра, ни тем более мобилизации специалистов и оборудования, необходимой для того, чтобы быстро взять ситуацию под контроль», — Хуберт Янушевский. («Жечпосполита», 21 авг.)
 - «По всей стране ветер повредил либо сорвал крыши почти с 4 тыс. домов, из которых 2,8 тыс. были жилыми. (...) Буря уничтожила 44,6 тыс. гектаров леса. Около 8,5 млн кубометров древесины легло вповалку. (...) “Государственные леса” добывают в год 38 млн кубометров древесины. (...) В результате бури 150 тыс. домов остались без электричества». (Иоанна Бликовская, Иоанна Цвек, «Жечпосполита», 17 авг.)
 - «Вот уже почти десять лет рынок древесины переживает самый настоящий бум, и спрос только растет. (...) “Государственные леса” вырубает всё больше деревьев и всё больше на этом зарабатывают, их доход за прошлый год составил около полумиллиарда злотых. (...) Зарплаты в “Государственных лесах” считаются одними из самых высоких в стране. Среднее вознаграждение там составляет почти 8 тыс. злотых, а генеральная дирекция получает свыше 12 тыс. злотых. Добавим к этому служебные автомобили, пайки, и всё это при совершенно раздутых кадрах: в Польше на один гектар леса приходится 13 лесников, тогда как в Швеции — всего 4. (...) Административные расходы “Государственных лесов” (главным образом на зарплату сотрудников) составляют более 43% их совокупных расходов. И лишь 13% идет на охрану лесов и их выращивание, то есть на основную деятельность». (Милош Венглевский, «Ньюсуик Польска», 7-13 авг.)
 - «Экологи из “Greenpeace” призывают к бойкоту продукции, изготовленной из древесины, росшей в Беловежской пуше. Еще в июне шведский мебельный гигант “ИКЕА” сообщил, что не будет покупать древесину из Бровска, Хайнувки и Беловежи. В 2010 году до сведения поставщиков были доведены подробные инструкции. В 2017 года “ИКЕА” вновь направил поставщикам эти инструкции, говорится в заявлении концерна». (Паулина Новицкая, Мартин Батуг, Михалина Беднарек, Эва Фуртак, «Газета wyborcza», 18 авг.)
 - «По данным опроса, проведенного агентством “SW Research”, почти 60% респондентов считают, что из-за нашествия жука-короеда вырубать деревья в Беловежской пуше не нужно. (...) Каждый пятый участник опроса полагает, что такая вырубка необходима. Примерно такое же количество респондентов (21%) не смогли определиться с ответом на этот вопрос». («Жечпосполита», 10 авг.)
 - «11 августа директорам национальных парков была разослана рекомендация министерства окружающей среды о “сокращении” слишком большой популяции кабанов в парках. (...) Больше всего кабанов планируется уничтожить в Дравенском национальном парке (1500 особей), Кампиносском (1113), Велкопольском (918), Столовых Гурах (762), Магурском (581), Уйсьце-Варты (546). В парках должно остаться от нескольких особей до нескольких сотен кабанов: к примеру, в Бабигурском парке — только три, в Пенинском — четыре, в Магурском — 19, в Дравенском — 60, в Кампиносском — 338. (...) Отстрел затронет также парки, охота в которых раньше была запрещена. (...) В письме природоохранного ведомства директорам национальных парков говорится, что “сокращение чрезмерной популяции кабанов” является мерой по охране природы». (Адам Вайрак, «Газета wyborcza», 23 авг.)
 - «Министр окружающей среды только что разрешил ночную охоту на кабанов с использованием приборов ночного видения, а также одновременную индивидуальную и коллективную охоту в границах одного

охотничьего участка. На консультации направлено очередное распоряжение, допускающее отстрел кабанов на протяжении всего года, а это означает, что можно будет стрелять в беременных свиноматок и самок с потомством. (...) Эти же нововведения предусматривают увеличение срока охоты на оленей и ланей». (Агнешка Сова, «Политика», 23-29 авг.)

- «Состояние польских вооруженных сил внушает серьезное беспокойство! В настоящий момент они не готовы дать отпор какому-либо противнику. (...) Подразделения Территориальной обороны не сформированы. Программы по модернизации буксуют. (...) Оперативные войска серьезно ослаблены, поскольку огромная часть их командного кадрового потенциала оказалась передана войскам Территориальной обороны», — генерал Вальдемар Скушпач. («Пшеглэнд», 14-20 авг.)

- «Территориальная оборона господина Мацеревича преследует политические, а не оборонительные цели. Кажется, никто уже не верит, что это “харцерское движение для взрослых” обладает реальным военным потенциалом. Недавнее использование сил Территориальной обороны для символической провокации, обращенной против православного меньшинства, отлично демонстрирует, для чего нужны эти войска Мацеревича. (...) Связи этих кругов с пропутински настроенными крайне правыми (...) необходимо предать огласке», — Адриан Зандберг, лидер партии «Вместе». («Жечпосполита», 18 авг.)

- «Из польских вооруженных сил уволились генералы, обучавшиеся в американских, британских, немецких военных академиях и получившие боевой опыт в Ираке и Афганистане. Объяснить это можно только тем, что Мацеревич сознательно пытается ослабить польскую армию», — Энн Аппельбаум. «Кому было выгодно опубликование в так называемом отчете о ситуации в Военных информационных службах фамилий тех, кто из патриотических соображений сотрудничал со спецслужбой, созданной в свободной Польше? Кому было выгодно обнародование персональных данных офицеров этой спецслужбы и деконспирация нашей агентуры? Кому был выгоден перевод этого документа на русский язык? (...) То, что министр польского правительства уже столько лет совершает действия, выгодные недружественной по отношению к нам стране, вряд ли можно назвать случайностью», — Радослав Сикорский. («Газета wyborcza», 12-13 авг.)

- «По данным опроса, проведенного институтом “Pollster” (...) 62% респондентов не хотят видеть Мацеревича на посту министра. (...) Противоположного мнения придерживаются 15% опрошенных. (...) Опрос проведен 16-17 августа». («Супер экспресс», 23 авг.)

- «Президент решил, что 15 августа, в День польских вооруженных сил, лучше будет обойтись без награждений и назначений генералитета. Список назначений представил Мацеревич, но Дуда его не утвердил. Это связано с тем, что Служба военной контрразведки, ранее подчинявшаяся Мацеревичу, начала расследование (и тем самым приостановила действие сертификата доступа к государственной тайне — В.К.) в отношении генерала Ярослава Крашевского, который в канцелярии президента отвечал за оценку новых назначений среди генералитета. (...) Во вторник, в ходе торжественных мероприятий, посвященных Дню польских вооруженных сил, Анджей Дуда заявил: “Мы должны противостоять негативным тенденциям, поскольку и так совершенно немало ошибок. (...) Это не чья-то частная армия. Это армия Республики Польша”». (Данута Веловейская, «Газета wyborcza», 16 авг.)

- «Для Мацеревича каждый, кто получал повышение по службе от его предшественника, (...) по определению становился подозрительным. А уж те, кто начал службу до 1989 года, оказывались подозрительными вдвойне. Последние два года можно вкратце охарактеризовать как время хаоса и мести. В руководстве у нас царит хаос, а в отношении широкого круга офицеров и генералов осуществляется политика мести». (Януш Земке, депутат Европарламента, бывший вице-министр обороны. («Пшеглэнд», 14-20 авг.)

- «72-летний генерал Громослав Чемпинский и 84-летний полковник Анджей Маронде с 1 октября будут получать пенсию в размере 1290 злотых на руки. Это следует из содержания нового закона. (...) Он предусматривает снижение пенсий и пособий тем сотрудникам спецслужб, которые хотя бы один день прослужили в органах госбезопасности ПНР. (...) После операции “Самум” в 1990 году, когда из Ирака были вывезены шесть агентов ЦРУ, Чемпинский и его люди проводили международную операцию “Мост”, в ходе которой из СССР в Израиль перевозились евреи. Заслуги польских силовиков высоко оценили американцы. Чемпинский получил награду от президента Джорджа Буша. (...) В 1993-96 годах Чемпинский был начальником Департамента государственной охраны. (...) Анджей Маронде преподавал в школе контрразведки». (Войцех Чухновский, «Газета wyborcza», 2-3 сент.)

- «Министерство внутренних дел и администрации отобрало более половины семейной пенсии у матери генерала Мариана Яницкого, начальника Департамента государственной охраны во время правления “Гражданской платформы”». «Лидия Яницкая ежемесячно получала 2031 злотых брутто. Это пенсия ее мужа, который в 1980-87 годах работал в Департаменте государственной охраны. (...) Ее ежемесячный доход был снижен до установленного минимума, который составляет 850 злотых брутто плюс 213 злотых патронажного пособия. (...) В соответствии с “античекистским” законом всем бывшим сотрудникам спецслужб, хотя бы один день прослужившим в “органах тоталитарного государства”, пенсии снижены до 1700 злотых, а тем, кто, подобно отцу генерала Яницкого, закончили службу до 1990 года, до минимума. Это касается также вдов сотрудников спецслужб, даже если их мужья погибли во время исполнения своих обязанностей». (Войцех Чухновский, «Газета wyborcza», 16 авг.)

- «“Античекистский” закон коснулся более 50 тыс. пенсионеров. (...) По данным Федерации ассоциаций силовых

структур, после получения письменного решения о снижении пенсии три человека покончили с собой, а пятеро умерло от инфаркта или инсульта непосредственно сразу после получения письма из министерства внутренних дел и администрации. В пятницу федерация сообщила об очередном трагическом случае. (...) Антоний Войтович после получения письма из департамента пенсионного обеспечения (...) умер в больнице. (...) Войтович вместе с женой воспитывал ребенка-инвалида. Его пенсия также была снижена до установленного минимума». («Газета wyborcza», 16 авг.)

- «В защиту генералов, служивших коммунистическому режиму, выступил высокопоставленный представитель польской католической Церкви, архиепископ Славой Лешек Глудзь. “Те, кого с нами уже нет, пусть покоятся с миром. Следует закрыть эту тему (посмертного разжалования Ярузельского и Кищака — В.К.). Она провоцирует горячую дискуссию, толку от которой будет немного”, — говорит архиепископ, отслуживший мессу за упокой души генерала, который в свое время установил в Польше режим военного положения. “Я верю его бурную жизнь Божьему Милосердию”, — писал архиепископ Глудзь». («Супер экспресс», 19-20 авг.)

- «У элит, пришедших на смену деятелям “Солидарности”, с самого начала трансформации был огромный комплекс по отношению к “коммунистам”. В Народной Польше они видят только диктатуру, советское господство, историческую пробуксовку — и ничего более», — проф. Мирослав Карват, заведующий кафедрой философии и теории политики Института политических наук Варшавского университета. («Пшеглэнд православны», №9, сентябрь)

- «Российский МИД во вторник обвинил польские власти в “возмутительной провокации” в связи с внесением изменений в закон о запрете коммунистической пропаганды, предусматривающих (...) снос памятников советским солдатам». («Жечпосполита», 19 июля)

- «В новой редакции закона о декоммунизации ничего не говорится о памятниках советским солдатам, в ней просто содержится общий запрет пропаганды тоталитарного режима. Достаточно признать, что эти памятники — не пропаганда коммунизма, а знак благодарности солдатам, которые здесь погибли и благодаря которым жива Польша. (...) В ходе освобождения Польши в ее нынешних границах погибли 600 тыс. советских солдат, это 55% общих человеческих потерь Красной Армии в Европе за пределами СССР в 1945 году. Так что в Польше тогда погибло больше наших солдат, чем в Германии и во всех европейских странах вместе взятых. (...) Если за год будут снесены сотни памятников, (...) российская общественность воспримет это (...) как жестокое надругательство над памятью наших предков», — Сергей Андреев, посол Российской Федерации в Польше. («Жечпосполита», 10 авг.)

- «В понедельник в интервью “Коммерсанту” министр иностранных дел Польши Витольд Ващиковский посетовал, что его российский коллега Сергей Лавров не отвечает на миролюбивые жесты и не желает общаться с ним напрямую. (...) Эта риторика, а также слова Ващиковского о том, что Польша не хочет видеть на своей территории очередные подразделения американских военных, вызвало в Польше волну беспокойства — не совершает ли ПИС украдкой крен в сторону России». (Бартош Т. Виленский, «Газета wyborcza», 9 авг.)

- «Польша становится всё более одинокой и без всякого резона портит свои отношения с очередными странами. Плохие отношения с Россией, во многом ставшие следствием российской агрессии в Украине, становятся еще хуже благодаря агрессивным жестам вроде ликвидации памятников несчастным солдатам Красной Армии, погибшим на территории Польши. С Германией мы ссоримся из-за репараций. С Францией — из-за вертолетов “Caracal” и нашей глупой, инфантильной политики. С Литвой нас вот-вот поссорит изображение вильнюсской “Острой Браны” на новых польских загранпаспортах. С Украиной отношения осложнились из-за агрессивных резолюций Сейма и мемориала “львовских орлят” на тех же загранпаспортах. (...) Поскольку погоду будут делать экономические процессы в сфере евро, мы уже по определению остаемся в стороне. Правительство ПИС не понимает, к каким последствиям всё это может привести, и потому относится к ситуации легкомысленно. И мы заплатим за это ужасно большую цену», — Влодзимеж Цимошевич, бывший премьер-министр, министр иностранных дел и министр юстиции. («Ньюсуик Польска», 14-20 авг.)

- «Инициатива министерства внутренних дел и администрации “Разработай вместе с нами польский загранпаспорт-2018”. (...) На страницах нового документа появятся иллюстрации. Среди них —так называемое “кладбище львовских орлят” (уже отобранное специальной группой, созданной министерством) и ворота “Остра Брама” в Вильнюсе (за нее идет голосование интернет-пользователей). Этот почин уже вызвал сопротивление украинских и литовских властей. (...) Профессор Российской академии наук, историк Юрий Петров комментирует: “Вильно и Львов когда-то принадлежали Польше, однако это не означает, что виды этих городов должны оказаться в польских загранпаспортах. (...) Мы могли бы разместить в наших паспортах виды Варшавы и Хельсинки, городов, которые входили в Российскую империю, однако не делаем этого”». (Руслан Шошин, «Жечпосполита», 18 авг.)

- «Правительство ПИС обзывает немцев “детьми и внуками вырожденцев” и требует солидных военных репараций. (...) Нынешняя антинемецкая кампания — это очередной шаг к выходу Польши из ЕС. (...) Мы уже оскорбили и унизили Францию. Оскорбляя и унижая Германию, мы рвем последние дружеские связи с Европой», — Ярослав Курский, главный редактор. («Газета wyborcza», 5-6 авг.)

- «1 июля в ходе своего выступления на конгрессе ПИС Ярослав Качинский вновь набросился с обвинениями на Германию, затронув, в частности, тему репараций. (...) Сдержанный комментарий Ульрики Деммер, заместителя

пресс-секретаря немецкого правительства, о том, что “Германия осознает свою политическую, моральную и финансовую ответственность за Вторую мировую войну, однако вопрос немецких репараций для Польши уже был окончательно урегулирован как на юридическом, так и на политическом уровнях” — это всё, на что может рассчитывать ПИС». (Цезарий Михальский, «Ньюсуик Польша», 14-20 авг.)

- «Тема военных репараций — это всего лишь инструмент внутренней политики ПИС. (...) Этим правящая партия хочет убедить самую наивную часть избирателей, что ПИС борется за полагающиеся нам деньги. (...) Германия за последние четверть века сделала для Польши в сотни раз больше, чем Россия, которая пальцем о палец не ударила, чтобы как-то возместить Польше вред, нанесенный советскими преступлениями. (...) Антинемецкая политика ПИС ни к чему хорошему для Польши не приведет, тем более сейчас, когда у нас такие плохие отношения с Россией. В результате мы рискуем оказаться в ситуации, напоминающей предвоенные годы», — проф. Анджей Дудек. («Жечпосполита», 31 авг.)

- «В глазах европейцев мы перестаем выглядеть как люди успеха, экономика успеха, страна успеха. (...) Сегодня к Польше относятся как к политическому авантюристу. (...) На наших глазах Европейский союз начинает возводить границы вокруг сферы евро, к которой мы не принадлежим. Мы можем даже не заметить, как эта сфера начнет формировать собственный бюджет и парламент, назначит министров иностранных дел и финансов, как свободное пересечение границ станет для поляков иллюзией. Разве что мы хотим этого, продолжая видеть в переходе на евро утрату суверенитета», — Марек Голишевский, основатель и президент “Business Centre Club”. («Жечпосполита», 28 авг.)

- «“Европа — это регион, созданный с опорой на ценности демократии и права человека, а Польша с этими ценностями сейчас конфликтует”, — заявил Эммануэль Макрон. (...) “Сегодня Польша не определяет будущего Европы, не будет она определять его и завтра”, — добавил французский президент». (Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 28 авг.)

- «Необходимо руководствоваться определенными ценностями и принципами. Благодаря такой позиции Польша сегодня развивается очень динамично и является безопасной страной», — премьер-министр Беата Шидло. («Газета Польша», 30 авг. — 5 сент.)

- «Всё чаще западноевропейские политики и комментаторы отчетливо и сознательно проводят различие между польским правительством и Польшей, и это немного снижает риск того, что безнадёжная репутация правительства распространится на образ всей страны и воскресит старые антипольские стереотипы в Западной Европе», — Клаус Бахман. («Тыгодник повсехны», 3 сент.)

- «Сегодня членство Польши в ЕС поддерживает 88% опрошенных. Более того, в последнее время число тех, кто поддерживает евроинтеграцию, растет. (...) Выросло также количество поляков, выступающих за укрепление и углубление интеграции — с 19% в 2015 году до сегодняшних 48%. Значительная часть электората ПИС (41%) также поддерживает дальнейшее углубление интеграции. Находящейся у власти партии Качинского пока что не удалось ослабить поддержку интеграции со стороны польского общественного мнения — более того, политика ПИС привела к обратному эффекту. (...) Об отношении правительства к европейской интеграции респонденты осведомлены — значительная группа опрошенных полагает, что правящая партия добивается либо выхода Польши из ЕС (17%), либо ограничения интеграции (32%). Таковы данные опроса, проведенного ЦИОМом». (Лена Колярская-Бобинская, «Политика», 26 июля — 1 авг.)

- «Марши, проводимые Комитетом защиты демократии, в первую очередь напомнили, что такое гражданское сопротивление. (...) Люди, которые в 1982 году выступали против режима военного положения (...) вновь вышли на улицы. Но эти марши были инициативой поколения “Солидарности”, а мы живем в другую эпоху. У молодежи нет опыта, связанного с той, бывшей системой. (...) Марши Комитета защиты демократии не стали их реальностью. Сегодня они вышли, потому что возникла угроза важным для них ценностям (...): экологические проблемы, загрязнение воздуха в польских городах, политика министра Шишко, заключающаяся в вырубке всего, что можно, в отстреле животных; равенство полов, а особенно политика по ограничению прав в области репродукции человека, то есть вопросы аборт и контрацепции, (...) а также проблемы дискриминации меньшинств, жестокого обращения с более слабыми, (...) проблемы трудоустройства молодых людей, которые после учебы в основном получают предложения, связанные с бесплатной стажировкой либо мытьем посуды в Лондоне, не могут устроиться на постоянную работу и, как следствие, получить кредит и создать семью, а потому живут в постоянной неуверенности. И если ко всему этому еще добавляется грубая националистическая риторика, терпению приходит конец. (...) То, что 50% поляков не ходят на выборы, совершенно закономерно». (Анджей Ледер, «Ньюсуик Польша», 31 июля — 6 авг.)

- «Мы публикуем сегодня запись, неопровержимо доказывающую, что полиция следит за активистами ассоциации “Граждане Речи Посполитой” и лидером партии “Современная” Рышардом Петру», — Ярослав Курский, главный редактор. («Газета выборча», 27 июля)

- «В период с 15 по 25 июля против оппозиции были использованы все доступные силы, предназначенные для осуществления наблюдения. (...) Полиция создала базу портретов наиболее активных участников манифестаций. Их фотографии размещаются в системе распознавания лиц, которой пользуется Антитеррористический центр Агентства внутренней безопасности. Работа системы опирается на сравнительную базу, полученную от подразделений министерства внутренних дел и администрации, занимающихся выдачей удостоверений

личности и загранпаспортов. (...) Наши источники также сообщают о широком применении пятидневного прослушивания, которое закон позволяет осуществлять без согласия суда лишь в случае чрезвычайной угрозы. (...) Против оппозиции используются также автомобили для скрытого наблюдения. (...) Эти машины оставляют перед жилыми помещениями и офисами организаций для “беспилотного” сбора информации». (Войцех Чухновский, «Газета wyborcza», 21 авг.)

- «Национальная прокуратура рекомендовала отозвать обвинительное заключение в отношении бывшего священника Яцека М., которое в июле направили в суд вроцлавские следователи. М. обвинялся в возбуждении ненависти против евреев и украинцев. (...) За свое выступление, которое по закону наказывается лишением свободы на срок до двух лет, М. не предстанет перед судом». («Газета wyborcza», 8 сент.)
- «Апелляционный суд вернул в первую инстанцию дело Петра Рыбака, который ходатайствовал о замене тюремного заключения за сожжение куклы, представляющей еврея, на электронный надзор. Осужденный обещает, что продолжит сжигать куклы». «“В кои-то веки суд вынес решение в интересах Польши”, — сказал он. Рыбак также пригрозил (...) подать в суд на “всех евреев”, назвавших его “антисемитом”». (Из Вроцлава Матеуш Кокошкевич, «Газета wyborcza», 6 сент.)
- «Согласно Конституции, президент Польши стоит на страже Основного закона. Это ключевой элемент самого понятия “президент”. Господин Анджей Дуда был избран законно, однако потом делал всё, чтобы убедить нас в том, что никакой он не президент. (...) Подписывая закон о судах общей юрисдикции, он тем самым продолжил нарушать Конституцию», — проф. Радослав Марковский. («Газета wyborcza», 27 июля)
- «По данным опроса, проведенного 26-27 июля Институтом рыночных и социологических исследований, 77,6% респондентов положительно оценивают президентское вето в отношении законов о Национальном совете правосудия и Верховном суде. Противоположного мнения придерживаются 8,9% опрошенных, а 13,5% не определились с ответом. Подписание президентом закона о судах общей юрисдикции положительно оценивают 34,6% респондентов, отрицательно — 49,7%, не смогли дать оценку 15,7%». («Жечпосполита», 1 авг.)
- «Согласно опросу ЦИОМа президент Анджей Дуда пользуется рекордным (71%) доверием поляков». (Агата Кондзинская, Павел Вроньский, «Газета wyborcza», 6 сент.)
- «Президент Анджей Дуда с супругой, премьер-министр Беата Шидло, маршалы Сейма (...) и Сената (...), члены правительства и парламентарии (...). Всего более 100 тыс. человек в субботу на Ясной Гуре приняли участие в празднике Ченстоховской Богородицы. (...) Примас Польши, архиепископ Войцех Поляк заявил (...), что мы должны “уважать порядок и основы общественного устройства, а не крушить его бессмысленно ради тех или иных идей. Мы должны уважать конституционный порядок, который является гарантом нашего совместного существования, а не испытывать его на прочность либо игнорировать». (Томаш Кшижак, «Жеспосполита», 28 авг.)
- «39 млн 957 тыс. злотых — такой суммой правительство ПИС собиралось поддержать организации о. Тадеуша Рыздыка, подсчитала депутат от “Гражданской платформы” Иоанна Муха, которая вот уже несколько месяцев предаёт огласке финансовые схемы директора “Радио Мария”. (...) “Это может быть только верхушка айсберга. Скорее всего, с момента падения ПНР никто не получал от правительства такого гигантского финансирования”, — говорит Станислав Нитрас из “Гражданской платформы”». (Виктор Ферфецкий, «Жечпосполита», 10 авг.)
- «Согласно августовскому опросу ЦИОМа, политику правительства поддерживает 41% респондентов, против выступают 34%. О своем безразличии заявляют 24% участников опроса. Работой премьер-министра Беаты Шидло довольны 46% опрошенных, недовольны 39%. По сравнению с июльским опросом, количество сторонников правительства увеличилось (с 38% до 41%), равно как и его противников (с 31% до 34%), зато сократилось количество равнодушных (с 28% до 24%)». («Жечпосполита», 31 авг.)
- Поддержка партий: «Право и справедливость» — 36%, «Гражданская платформа» — 22%, Кукиз’15 — 12%, «Современная» — 11%, Союз демократических левых сил — 7%, крестьянская партия ПСЛ — 5%, «Вместе» — 4%, «Свобода» (бывшая КОРВиН — «Коалиция обновления Республики – воля и надежда») — 3%. Опрос исследовательского института «Pollster», 16-17 августа. («Супер экспресс», 19-20 авг.)
- «По данным ЦИОМа, если бы выборы состоялись в августе, за партию Ярослава Качинского проголосовали бы 42% поляков» («Тыгодник повшехны», 3 сент.). (Более подробных результатов опросов, проведенных главными исследовательскими центрами, ведущие газеты страны в последнее время не публикуют — В.К.)
- «А ведь еще сто лет назад как минимум 80% жителей Польши чувствовали, что они не принадлежат к сообществу поляков. Это были не поляки, а жившие в Польше белые рабы и наемные рабочие. Очень многие из нас — это потомки рабов, унаследовавшие от своих предков терпеливость и покорность. Это наследие по-прежнему определяет коллективное поведение поляков, наши политические и идеологические пристрастия, а также результаты выборов», — Войцех Эйхельбергер, психолог и психотерапевт. («Ньюсуик Польска», 28 авг. — 3 сент.)
- «Представьте себе, что было бы, если Ангела Меркель (...) решилась бы угробить Федеральный верховный суд, как это попытались сделать в Польше. В одном лишь Берлине на улицы вышел бы миллион человек. А то и больше. (...) Посмотрите на французов после терактов в Париже — разве кто-то из политиков, включая крайне правых популистов вроде Марин ле Пен, призывал сжигать мечети? Нет! (...) Среднестатистический сторонник ПИС не видит разницы между террористами, иммигрантами, беженцами и мусульманами. И никто не реагирует!

Вы когда-нибудь слышали о реакции премьера или министра внутренних дел на подобное вранье, на возбуждение ненависти?», — Павел Адамович, мэр Гданьска. («Газета выборча», 9-10 сент.)

• «Наступает опасная эпоха людей, которые не желают разбираться в прошлом и не собираются нести ответственность за будущее», — Геннадий Бурбулис. («Жечпосполита», 5-6 авг.)

2: Экономическая жизнь

За первые четыре месяца 2017 года польский экспорт фармацевтической продукции превысил миллиард евро. Нынешний год складывается более успешно, чем предыдущий, по итогам которого стоимость экспорта составила почти 2,7 млрд евро. По прогнозу консалтинговой фирмы «McKinsky and Company», который приводит Рафал Войский в газете «Жечпосполита», Польша может стать европейским и даже мировым центром фармацевтической промышленности, а также важным контрактным производителем, обслуживающим европейские фармацевтические концерны. Среди козырей польской фармацевтики — современная производственная база и высококвалифицированные кадры. Издержки ниже, чем в странах Западной Европы, при аналогичной технологии производства. В отрасли производства лекарств и фармацевтических изделий занято около 100 тыс. работников. В данном секторе действует свыше ста фирм; практически каждый второй лекарственный препарат, покупаемый в Польше, отечественного производства. Почти 80% польского производства — это дженерики, более дешевые аналоги оригинальных лекарств, содержащие те же самые субстанции. Цены на них относятся к самым низким в Евросоюзе. Сегодня польская фармацевтическая промышленность становится заметным игроком на рынках «третьего мира» — прежде всего, Востока. Там требуются дешевые лекарства, и Польша может ими обеспечить. Увеличению экспорта способствует рост инновационности польских фармацевтических фирм. На научно-исследовательскую работу в отрасли приходится 8% ассигнований, что значительно больше, чем в других сферах польской экономики.

В Свентокшишском регионе (окрестности города Кельце) побывал Сауд аль-Сехали, директор Торговой палаты из Эр-Рияда. Он изучал возможности инвестиций и сотрудничества для фирм Саудовской Аравии. Интересовался коневодческими фермами, молочной и мясной промышленностью, производством кормов и соков (особенно яблочного) и птицеводством. Это был уже не первый визит представителя саудовского бизнеса в регионе. Ранее, в апреле, здесь побывал другой гость из Саудовской Аравии, Мохаммед Эзз, который намеревается построить в этих местах завод алюминиевых изделий. Что касается Сауда аль-Сехали, то это важная фигура в Эр-Рияде. Палата, которой он руководит, объединяет торговые и строительные фирмы, но активна практически во всех отраслях. Как сказал Сауд аль-Сехали в интервью газете «Жечпосполита», у саудовцев есть деньги и они хотят инвестировать, чтобы в большей мере стать независимыми от экспорта нефти. Контакты в молочной промышленности и производстве кормов, а также коневодстве предприниматели из Саудовской Аравии ищут не впервые, благодаря привлечению зарубежных (в том числе польских) технологий, у них уже имеются значительные достижения в этих областях.

Как сообщает газета «Жечпосполита», продажа молока за рубеж принесла польским производителям в первом полугодии 2017 года почти наполовину больший доход, чем в прошлом году. Стоимость годового экспорта всех молочных продуктов может достичь даже 2 млрд евро, что означало бы очередной рекорд после наиболее удачного до сих пор 2014 года. На успешный результат повлияла благоприятная мировая конъюнктура: высокие цены на молоко и совершенно астрономические — на масло. Высокие мировые цены радуют экспортеров (например, такие фирмы, как «Млековита» или «Лович», которые зарабатывают за рубежом), в то же время подорожание сырья тревожит менее крупных производителей, работающих главным образом на отечественном рынке. Причины успеха польской молочной промышленности за границей понятны: продукция отменного качества, сырье для которой — что особенно важно для западноевропейских потребителей — по-прежнему производится в незагрязненной, относительно мало затронутой индустриализацией природной среде. Все чаще польскую молочную продукцию покупают азиатские страны, в которых потребители по большей части не переносят лактозу, так что молочные изделия, кроме как растительного происхождения (соевое, рисовое или миндальное молоко), для них ранее не существовали. Но в течение уже нескольких лет растет популярность продуктов из животного молока, в значительной доле поступающих из Польши.

Поляки — страстные автолюбители. В 2015 году автомашинами владели шесть из десяти поляков (десятью годами раньше — четыре из десяти). «Это один из самых высоких показателей в Евросоюзе», — заявил в интервью «Газете выборчей» представитель банка «BGŻ BNP Paribas» Артур Гай. Польские граждане готовы отдать на автомобиль все свои сбережения. Машина — одно из самых неудачных вложений денег, но, несмотря на это, желающих приобрести автомобиль прибывает. Чтобы купить машину стоимостью 25 тыс. евро, средний поляк должен отдать 25 месячных зарплат, итальянец — десять, а житель Германии — восемь. Однако же 62% водителей в Польше выражают желание потратить сбережения на приобретение автомобиля. Чаще, чем жители

других стран, поляки хотят приобрести машины новейших моделей. Поразительный итог исследования мнения покупателей: хотя на приобретение нового автомобиля приходится копить так долго, поляки не считают, что машины слишком дорогие. И в то же время огромное внимание уделяют вопросу расхода топлива. Это один из ключевых критериев при выборе модели. При том что в Польше бензин — самый дешевый в Евросоюзе, на топливо идет большая часть семейного бюджета, чем, например, в Германии. Авторы доклада «L'Observatoire Cetelem» полагали, что в 2016 году продажа новых автомобилей в Польше возрастет на 8,5%, однако недооценили настроений поляков: продажи выросли на 17% (в Евросоюзе в среднем на 6,8%). Откуда эта страсть к новым машинам? Психологи говорят, что автомобиль как одежда: выражает нас. Покупая хорошие автомобили, поляки словно бы стирают делящие их различия и создают иллюзию, что живут на том же уровне, как общества высокоразвитых стран.

Большинство польских граждан в возрасте 18—30 лет считают, что обладают необходимой квалификацией для того, чтобы найти себя на рынке труда. Более 80% полагают, что работодатель предложит им место. Таковы результаты опроса, проведенного агентством по труду «Adecco Poland» и службой «Infopraca», о чем сообщает газета «Жечпосполита». Почти 70% опрошенных считают, что найдут работу менее чем за год по окончании профессионального учебного заведения. Оптимизм молодого поколения неудивителен: все больше становится отраслей, где существует рынок работника, что облегчает молодым людям профессиональный старт. В течение трех лет заметно сокращается число безработных выпускников школ и училищ (тех, кто не трудоустроился в течение 12 месяцев после окончания учебы). Доля безработных выпускников среди общего числа безработных снизилась до рекордного уровня 2,8%. Несмотря на это улучшение, молодые поляки не рекордсмены оптимизма. Как в оценке собственных умений, так и по сроку поиска первого места работы они располагаются ниже среднего мирового показателя.

В течение года удвоилось количество курсов по подготовке водителей. Однако до сих пор отсутствует система обучения водителей грузовиков, — пишет Анджей Кублик в «Газете wyborczej». В прошлом году, после тридцатилетнего перерыва, Министерство образования вернуло в список профессиональной подготовки специальность «механик-водитель», было создано около полусотни соответствующих курсов. В текущем учебном году организовано еще 60 таких автошкол. Заинтересованных в получении профессии механика-водителя больше, чем ожидалось, — заявил министр инфраструктуры и развития Анджей Адамчик. Действующая программная база позволяет, однако, осуществлять подготовку водителей только с правом управления легковыми автомобилями и пикапами. Лишь в следующем году, как сказал министр, может начать действовать система подготовки водителей более высоких категорий. Организаторы автоперевозок уже несколько лет обращались к правительству по вопросу воссоздания системы подготовки профессиональных водителей для поддержки развития отрасли. В настоящее время польские автоперевозчики — лидеры в Европе. Около 25% международных перевозок на континенте выполняется грузовиками с польской регистрацией. Дальнейшее развитие отрасли, однако, сдерживается по причине нехватки соответствующего количества квалифицированных водителей.

Е.Р.

3: Сны о дымящих трубах

Мечта о возвращении в Польшу заводов и фабрик, которые дадут стране много хороших и стабильных рабочих мест, — это не более чем пустая и несбыточная греза. На серьезный камбэк промышленности рассчитывать нечего, а в будущем нам необходимо крепко-накрепко вбить себе в голову, что не каждому заводу следует радоваться.

У этой мечты есть даже свое название: реиндустриализация. Слово, мода на которое вспыхнула после не очень давнего финансового кризиса, когда на Западе появилась тоска по «реальной» экономике, создающей конкретно осязаемые, реальные ценности и являющейся вместе с тем антитезой скомпрометированного финансового сектора, который оперирует виртуальными деньгами.

Сама идея реиндустриализации отнюдь не плоха. Промышленность оказывает благотворное воздействие на всю экономику — хотя бы самым только фактом выделения огромных средств на исследования и развитие. Нет нужды искать доказательств этого где-то далеко: Европейская комиссия ежегодно публикует подробный отчет, посвященный затратам бизнеса на научные исследования и опытно-конструкторские разработки (см. «EU Industrial R&D Investment Scoreboard»). Напрасно было бы искать там в перечне полусотни фирм, предназначенных на указанные цели наибольшие суммы, какие-нибудь банки или гостиничные сети. Зато там

присутствуют всевозможные концерны: автомобильные, фармацевтические либо действующие, скажем, в электромашиностроительной промышленности, — а также фирмы, которые создают программное обеспечение. Более того, производственным предприятиям требуются сырье и разнообразные компоненты, в связи с чем каждое рабочее место где-то на фабрике или на заводе создает много рабочих мест вне самих этих объектов. Таким путем возникают — внимание, еще одно модное слово — так называемые экосистемы, которые после превышения определенной критической массы становятся мотором развития своей отрасли. Ну а коль скоро в данном месте вокруг фирмы А из отрасли Б выросла уже целая обойма кооперирующихся с ней предприятий-партнеров, то почему бы этой ситуацией не смогла воспользоваться еще и некая фирма В, тоже действующая в секторе Б?

Но на самом-то деле мечта о реиндустриализации в ее общепринятом, обыденном понимании — это мечта о возвращении к такому рынку труда, который в состоянии поглотить достаточно большое число умеренно образованных и обученных лиц, предложив им относительно хорошие зарплаты. Именно к этому апеллировал во время своей избирательной кампании нынешний президент США Дональд Трамп, говоривший о необходимости создания в американской промышленности миллионов рабочих мест. К этому же призывала и лидер Национального фронта Марин Ле Пен, встречаясь перед недавними президентскими выборами во Франции с работниками завода «Вирпуль» в Амьене, который планировалось закрыть. Эта мечта сильна, потому что мир, который она имеет в виду, существовал совсем недавно, а его демонтаж начался всего лишь четыре десятилетия назад. Только в Соединенных Штатах за период с 1980-го по 2015 гг. в промышленности испарилось 6 млн рабочих мест. Лозунг «реиндустриализация» молчаливо предполагает, что заводы и фабрики вернутся туда, откуда они исчезли. Проблема заключается в том, что они не вернутся, поскольку на самом деле никогда не исчезали, а попросту претерпели за истекшее время радикальную и часто необратимую трансформацию.

Быстрее, короче, меньше (людей)

У истоков указанной выше мечты лежит технический прогресс, который сделал возможным более эффективный и производительный выпуск продукции. Слова «более производительный» представляют собой удобное сокращение целой фразы: «столько же, но за более короткое время и с привлечением меньшего количества работающих». Странно и необычно наблюдать, как с перспективы проживающих по обе стороны Вислы легко забывается, что на Западе такие перемены происходили еще перед исчезновением железного занавеса — и задолго до того, как мы тут начали говорить, что благодаря средствам из Евросоюза у нашего бизнеса появится шанс догнать Запад.

Вот пример из автомобильной индустрии. Уже в 1983 г. газета «Нью-Йорк таймс» сообщила, что новый завод «Мазды» в японском городе Хофу (открытый годом ранее) в состоянии производить за месяц 20 тыс. полнокомплектных автомобилей (плюс к этому еще 7 тыс. недоукомплектованных) при общей численности персонала 1,8 тыс. человек, которые работают в две смены по 900 человек. Газета сравнила эти цифры с производительностью среднего автомобильного завода в США, к примеру, такого, как принадлежащее «Крайслеру» (и разрушенное в 1990 г.) предприятие на Джефферсон-авеню в Детройте, где производство такого же количества автомашин требовало в два с лишним раза большего числа работающих — 4,7 тыс. человек. Японский производитель достиг таких замечательных показателей, в частности, благодаря нигде не встречавшимся в те времена масштабам роботизации. Фирме «Мазда» удалось практически полностью автоматизировать весь процесс изготовления и сборки кузова. В «Нью-Йорк таймс» отмечалось, что вмешательство человека требовалось там только на начальном и конечном этапах процесса. Штамповка элементов кузова, их сборка и сварка — всё это целиком возлагалось на станки и прочее оборудование. Но прогресс — это не только роботы. Столь же важны так называемые «процессуальные» инновации, иными словами, такая организация производственной линии, чтобы сборка протекала наиболее оптимальным способом. Вот как писал об этом же самом заводе Джозеф Фучини в своей книге «Работая для японцев»: «Движения работников напоминали скрупулезно продуманную и отрепетированную хореографию, цель которой — исключение лишних движений и экономия времени. У рабочих на "Мазде" никогда не возникала потребность искать инструменты, потому что каждое приспособление лежало в строго определенном месте поблизости от производственной линии. Японским сборщикам не приходится также дожидаться следующего занятия, как это происходит у их коллег в США. Когда рабочий заканчивал, скажем, монтаж топливного бака, он сразу же принимался за нанесение на поверхность шасси особой пены, изолирующей кабину от шума; причем завершал эту операцию ровно в тот момент, когда появлялся следующий подлежащий сборке автомобиль». В противоположность американским заводам, где автомобили перемещались между очередными этапами сборки по конвейерной ленте, на заводе в Хофу кузова с помощью специального подъемника буквально летали над головами монтажников. Благодаря этому на полу указанного завода царил полный порядок, а рабочим обеспечивалась свобода движений и легкий доступ к шасси. Вдобавок на стадии установки топливного бака подъемник наклонял автомобили на 30 градусов, чтобы тем самым еще больше облегчить людям работу. Инженерам «Мазды» пришла также в голову мысль, чтобы двери монтировались на как можно более позднем этапе, благодаря чему рабочие избавились от необходимости вертеться вокруг них в ходе установки внутреннего

оснащения кузова. Этим минимизировался также риск того, что двери будут поцарапаны. Если мы ищем такие примеры, которые были бы чуть ближе к нам в географическом смысле, то рассмотрим, каким образом сочетание многих значимых технологических и процессуальных нововведений, внедряемых на протяжении двадцати с лишним лет, увеличило производительность в польской горнодобывающей промышленности при извлечении угля открытым способом. По данным, собранным Бюро анализа при сейме, в 1991 г. буроугольный карьер в Белхатове давал работу 11,2 тыс. человек, а добыча составляла 35,2 млн тонн. В 2015 г. там в открытом карьере на вскрышных и иных работах трудилось уже только 5,2 тыс. человек, но добыча достигла 42,1 млн тонн. Таким образом, инновации обеспечили значительное увеличение производительности труда — иными словами, ощутимый прирост добычи при более чем двукратном снижении занятости. Технология изменила потребность промышленности в рабочей силе, но есть смысл упомянуть, что не везде и не всегда в идентичной степени. Даже в рамках аналогичных производственных предприятий разные заводы и цехи характеризуются разной степенью автоматизации — в зависимости от потребностей конкретной фирмы и затрат. К примеру, если на заводах «Мазды» в Японии все этапы сборки кузова практически полностью автоматизированы, то на новейшем заводе того же концерна в Мексике роботами на этой стадии производства реализуется только половина операций. Остальное делают люди. Кто-либо, возможно, обратит внимание на то обстоятельство, что конечные эффекты подобных процессов оптимизации бывают скрытыми, так как данная фирма может и далее продолжать развитие, а, следовательно, нуждаться в сотрудниках, только на других рабочих местах. Великолепным примером — причем на сей раз отнюдь не из промышленной сферы — является внедрение американской фирмой AT&T автоматических телефонных станций, что революционизировало всю телекоммуникационную отрасль: уже не было нужды ручным способом соединять разговоры на центральном коммутаторе, что требовало нанимать множество людей. Однако, тем не менее, этот американский гигант в течение весьма продолжительного времени не уменьшал численность персонала, а лишь перенаправлял сотрудников на выполнение других задач. Потеря рабочих мест может быть также связана с затягивающимся плохим состоянием какой-либо отрасли, как в случае американского автомобилестроения, — восстановление таких рабочих мест представляется вполне возможным. Неумолимая статистика говорит, однако, что в промежутке с 1980-го до 2015 гг. из промышленности США улетучилось 6 млн рабочих мест, и экономисты придерживаются мнения, что за большую часть этих потерь ответственны именно технологические изменения. Такую интерпретацию подсказывает хотя бы тот факт, что за указанный период стоимость товаров, изготавливаемых американской промышленностью, увеличилась в три раза. Подобный рост производительности наталкивает на мысль о том, что спасти упомянутые рабочие места не удастся.

Вернуться на родные берега

Отдельные экономисты (среди них, в частности, Дэвид Оутор) придерживаются мнения, что $\frac{1}{4}$ вышеуказанной величины можно объяснить перенесением рабочих мест за границу, иначе говоря, офшорингом. Из соображений растущей стоимости труда, а также по результатам некоторых аналитических исследований — например, проводимых Бостонской консалтинговой группой и говорящих о сближении затрат на производство ряда товаров в Китае и США — по другую сторону Атлантики появилась надежда на противоположный процесс, иными словами, на оншоринг (который может фактически представлять собой иную форму реиндустриализации). Так что ж, означает ли это, что те рабочие места, которые исчезли, могут вернуться? В этом вопросе тоже следует оставаться скептиком, но скорее из практических соображений. Ведь технический прогресс изменил промышленность еще и во многих других отношениях — начиная с того, что производство перестало быть четко локализованным. Доступность глобальной связи и развитие транспорта привели к тому, что администрирование цепочкой поставок немыслимого прежде масштаба и на невообразимые ранее расстояния стало достаточно простым. Если это окупается, то у фирм фактически нет причин из всех сил искать сырье, материалы и партнеров по кооперации непременно у себя на родине. Более того, такой поиск может оказаться очень трудным делом, так как после многих лет деятельности за рубежом фирмы становятся настолько тесно связанными с тамошними местными сетями субпоставщиков и субподрядчиков, что им потом трудно выйти из подобного сотрудничества. Перенесение производства в свою страну означало бы для них необходимость пересаживать туда всю экосистему (речь идет как о предприятиях-партнерах, так и о рабочей силе, обладающей необходимой квалификацией), которой в их родной стране почти наверняка уже нет (если ее ранее не перенесли за границу), а воспроизведение всех указанных элементов по прошествии нескольких десятилетий попросту невозможно — такие компетенции нужно выстраивать заново, едва ли не на пустом месте. Попробуйте только представить, как выглядела бы ситуация, если бы в Польше кто-нибудь всерьез захотел сегодня взяться за электронику, — ему никак не хватило бы того, что когда-то на берегах Вислы действовало объединение «Унитра» «Унитра» — образованное в 1961 г. и не существующее теперь Объединение электронной и телекоммуникационной промышленности, куда вошло около 30 предприятий-учредителей. В результате преобразований общественного строя в 1989 г. оно было ликвидировано. С того момента прошло столько времени, что людей, которых сегодня можно было бы взять на работу, пришлось бы обучать практически с нуля.

Кстати, об этом открыто говорил в октябре минувшего года генеральный директор компании «Адидас» Каспер Рорштед. «Наше производство на 90% опирается на Азию. Лично я не верю в то — и такая вера представляет собой полнейшую иллюзию, — что производство может в массовых масштабах возвратиться в Европу. (...) В свою очередь, единственная потенциальная польза от запуска нашего производства в США видится в политической заинтересованности, так как это не окупается с точки зрения финансовых соображений и даже более того: тамошний рынок не располагает соответствующими компетенциями. То же самое касается всей нашей отрасли — в данном случае я говорю не только от имени фирмы "Адидас"». Далее г-н Рорштед констатировал — и это любопытно отметить, — что автоматизация производства тоже не является стимулом для возвращения на старый континент. «Адидас», правда, планирует запуск двух всесторонне роботизированных фабрик в Германии и США, но они будут производить всего лишь по миллиону пар обуви в год — капля в море по сравнению с 360 млн пар, которые шьются всей фирмой в целом. «Полная автоматизация — это вопрос 5–10 лет. Несколько из тех приблизительно 120 операций, которые необходимы для производства одной кроссовки, упорно не хотят поддаваться автоматизации. Самым трудным вызовом является создание робота, который будет зашнуровывать обувь. Я не шучу. Сегодня это исключительно ручная работа. Нужной технологии до сих пор еще не существует», — добавил Рорштед.

Другой причиной, по которой фирмы могут с неприязнью смотреть на решоринг, является близость расположения производственных предприятий по отношению к новым рынкам сбыта. Какой-нибудь завод или фабрика могли, правда, когда-то перевести производство в Китай, чтобы сэкономить на оплате труда, но в данный момент эта страна, насчитывающая 1,3 млрд жителей, способна стать весьма значимым потребителем любых изделий. Именно так обстоят дела в случае «Адидаса», спрос на продукцию которого за 2015 г. вырос в Срединном царстве на 28%.

Препятствием на пути к возвращению рабочих мест может оказаться еще одно изменение в способе функционирования промышленности, причем довольно-таки фундаментальное. Речь идет о том, на каком этапе изготовления того или иного товара к нему добавляется наибольшая стоимость. К сожалению, во многих отраслях она возникает не в заводском цехе, а в конструкторских или технологических бюро, при работе проектировщиков либо инженеров, в отделах рекламы и службах или точках продажи. Тайваньская фирма Foxconn зарабатывает очень серьезные деньги на сборке изделий марки Apple, но ценность и реальная стоимость этих изделий — кардинальным образом воздействующая на цену, которую упомянутый американский концерн из калифорнийского Купертино может требовать за свои продукты, — ни в коей мере не возникает в южном Китае. Надежные оценки говорили, что в случае первых моделей iPad'a расходы на их производство составляли около 1,6% финальной продажной цены. Очень похоже обстоят дела с мировыми брендами готового платья, создатели которых заказывают пошив своих моделей одежды где-нибудь в Марокко, Турции или Бангладеш. Стоимость их изделий возникает не в швейных мастерских или цехах, а выковывается в рекламных кампаниях, во внешнем облике салонов продаж и магазинных витрин, а также на чертежных досках проектантов.

Особенно отрезвляющим выглядит последний из перечисленных пунктов, поскольку он заставляет задуматься, а какую, собственно говоря, промышленность нам хочется иметь. Мы можем достичь великолепных показателей по занятости в промышленности или же по стоимости, добавленной к нашему ВВП, но всё равно не почувствовать, что у нас наступила реиндустриализация, причем именно в таком варианте, к которому мы стремились.

Индустриальная Польша

С птичьего полета промышленность в Польше смотрится совсем неплохо. Если измерять ее состояние только участием в добавленной стоимости — иными словами, в общей стоимости товаров и услуг, производимых в экономике нашей страны, после вычитания затрат на их производство, — то в Польше промышленность генерирует больший ее процент, нежели в среднем промышленность по всему Евросоюзу. Долевое участие польской промышленности в добавленной стоимости брутто — это без малого 25%, тогда как среднее значения для ЕС (по состоянию на 2013 г.) лишь немногим превышает 19%. И благодаря этому промышленность в Польше не ощутила на себе последствий недавнего финансового кризиса в такой сильной степени, как это происходило в других странах; где на протяжении 10 лет (2003-2013) средняя доля участия промышленности в добавленной стоимости брутто упала. А у нас она выросла. В период кризиса был лишь один год, когда добавленная стоимость в польской промышленности оказалась ниже, чем годом ранее (так произошло в 2009 г.); но за исключением этого спада на протяжении почти всего указанного времени данный показатель рос быстрее, нежели ВВП. А участие промышленности в стоимости, добавленной всей польской экономикой, колебалось где-то в районе 25%.

Однако упомянутый индикатор можно трактовать и несколько иначе — как показатель хозяйственно-экономической отсталости. Еще пару десятков лет назад большое участие промышленности в экономике интерпретировалось именно таким образом — ведь в начале 90-х годов прошлого века доля промышленности в добавленной стоимости достигала 40% и даже 50%, если приплюсовать к ней строительство. Эксперты называли данное явление структурным расстройством: дело в том, что западные экономики всё сильнее опирались на услуги, и процесс деиндустриализации шел там полным ходом, а у нас главным мотором выступали технологически

устаревшие предприятия тяжелой промышленности. Такую структуру называли искаженной: промышленность была излишне разросшейся, тогда как услуги и торговля — недоразвитыми. Подобный дисбаланс никоим образом не соответствовал модели, которая признавалась оптимальной, — а именно, экономики, основанной на знаниях, где главенствующую роль в создании ВВП играют как раз услуги и именно они ответственны за большинство рабочих мест.

Трансформация общественного строя Польши вынудила внести изменения в указанную структуру, причем довольно болезненным способом. Но только это были такие изменения, которые навязывались институционально, а не вытекали из естественных процессов. Деиндустриализация в нашей стране произошла искусственным путем. У нас никто не переносил заводы и фабрики на другие рынки, а уменьшение количества рабочих мест происходило вовсе не потому, что людей заменяли машины. На начальной стадии трансформации у нас предоставили свободу рынку — что способствовало, например, развитию торговли, — но одновременно убрали защитный зонтик, простиравшийся ранее над государственными фирмами. Примером служит придание реального характера затратам на обслуживание кредитов (в том числе и тех, которые уже были предоставлены ранее) посредством весьма резкого повышения процентных ставок. Главной целью выступала тогда борьба с гиперинфляцией, вследствие чего пытались ограничить увеличение зарплат, устанавливая специальный налог на рост вознаграждений, а также ограничить публичные расходы, — что автоматически означало отключение предприятий от государственных капельниц. Фирмы лишались бюджетного финансирования. Производство той продукции, на которую не было рыночного спроса, вынужденным образом приходилось сокращать или даже сворачивать — промышленные предприятия почти мгновенно, не успев даже ахнуть, обнаружили себя брошенными в глубокие рыночные воды.

В статистических данных за тот период ошутимое падение долевого участия промышленности в добавленной стоимости действительно наблюдается почти каждый год; так, в 1990 г. ее доля достигала 53% (считая вместе со строительством), год спустя она составляла уже неполных 42%, а на исходе того десятилетия — лишь 31%. Одновременно росла роль услуг: в 1990 г. их участие в экономике составляло 38,4%, зато на протяжении последующих 10 лет оно возросло до 55%.

Однако ограничение роли промышленности в экономике и увеличение значимости услуг не шло в ногу с их качественным изменением. Мы имели дело скорее с гашением пожара простейшими средствами. Коль скоро в стране высокая безработица, то давайте привлечем капитал, который создаст рабочие места, причем как можно скорее и как можно больше. Лучше всего в тех регионах, которые сильнее всего пострадали от всевозможных попыток приспособиться к переменам. И нечего привередничать насчет того, что собой представляет этот капитал и какие у него планы применительно к нам. Дадим ему разные стимулы и преференции, лучше всего — освободим от налогов, так как это относительно простое дело. Таким вот образом в 1994 г. возникли специальные экономические зоны (СЭЗ).

СЭЗ, или Место в цепочке ценности

При формулировании основных положений по созданию специальных экономических зон все звучало красиво: они должны были стать не только лекарством против скачкообразно растущей в некоторых регионах структурной безработицы, но еще и способом, который бы позволил вырвать их из цивилизационного коллапса. В указанные зоны должен был попадать определенный тип инвестиций — таким образом, чтобы там развивались конкретные сферы хозяйственно-экономической деятельности. По замыслу — те, которые подтолкнут экономику в желательном направлении, иначе говоря, на путь современных технологий, инновационности, знаний и прочего подобного.

Зоны стартовали в 1994 г. и постепенно приобретали популярность среди инвесторов. За первые 10 лет их функционирования было выдано почти 700 разрешений на деятельность в рамках СЭЗ, по истечении очередного десятилетия таковых стало уже 1700. Согласно охватывающему несколько лет отчету KPMG, в 2004 г. накопленная стоимость инвестиций на территории вышеуказанных зон составила 19,9 млрд злотых, чтобы в течение следующего десятилетия вырасти до уровня 93,1 млрд злотых. За это же самое время количество рабочих мест выросло там в три с лишним раза — с примерно 74,6 тыс. человек до почти 270 тыс. С этой точки зрения специальные экономические зоны добились успеха. Это подтверждается разными исследованиями, к примеру, отчетом известнейшей консалтинговой фирмы Ernst & Young, который посвящен функционированию указанных зон в Польше. Там сообщается, что действие фирм в этих специальных зонах нашло свое выражение в пониженной безработице на территории соответствующего региона по сравнению с местами, где подобные зоны отсутствуют. Да и материальная обеспеченность жителей при этом тоже возросла. В соответствии с данным отчетом там, где функционируют специальные экономические зоны, уровень безработицы в среднем ниже на 1,5–2,8 процентных пункта в случае субрегионов и на 2,3–2,9 процентных пункта в случае поватов. А вот сумма ВВП, приходящегося на одного жителя, оказывается выше в среднем примерно на 1300 злотых (доходя до 2500 злотых) по сравнению с остальными субрегионами, что означает более высокий показатель ВВП на душу населения, нежели в остальных субрегионах, — примерно на 3,9% (доходя до 7,5%) от среднего ВВП на душу населения для всей Польши.

Однако со временем функционирование специальных экономических зон порождало все больше споров и

разногласий, в том числе среди предпринимателей. Потому что, коль скоро оказалась достигнутой основная цель их создания — а таковой было предотвращение социальной и хозяйственно-экономической деградации конкретных регионов, — то вообще есть ли смысл поддерживать в последующие годы дальнейшее существование специальных экономических зон? Целый ряд экспертов, в частности, Иереми Мордасевич из Конфедерации частных работодателей «Левиафан» говорили даже, что сама формула СЭЗ полностью изжила себя. И что эти зоны составляют сейчас нечестную — ибо дотируемую государством — конкуренцию для остальной страны.

Спор разразился с максимальной силой в 2013 г., когда в коалиционном правительстве «Гражданской платформы» и «Польской народной (крестьянской) партии» столкнулись между собой два ведомства: экономики и финансов. Первое поддерживало мнение, что специальные экономические зоны продолжают выполнять свою функцию и есть смысл субсидировать их, так как там успешно создаются новые рабочие места. Кроме того, в стране нет разумной идеи, каким образом можно поддерживать инвестиционные процессы иначе, чем посредством предоставления налоговых льгот. Ликвидация специальных зон? Об этом не может быть и речи. «Их нечем заменить», — писал министр экономики в ответ на критические замечания со стороны финансового ведомства, глава которого беспощадно наносил удары по специальным экономическим зонам, используя против них самую тяжелую артиллерию. Раз за разом он настаивал, что в действительности неизвестно, каков все-таки баланс функционирования специальных зон. А значит, неизвестно, во сколько они на самом деле обходятся и какие полезные результаты приносят. Главный финансист страны упрекал оппонентов в том, что налоговые льготы получают такие «инновационные» предприятия, как, например, действующие в Тарнобжегской СЭЗ фирмы «Магелёк», «Магель» и «Пральня», которые занимаются химчисткой одежды, или ООО «Триумф» — изготовитель медалей и кубков ко всяким подходящим событиям, датам и мероприятиям. «В Слупской специальной экономической зоне одним из действующих инвесторов является фирма "Иеронимо Мартенс, дистрибуция", которая является владельцем сети дешевых супермаркетов "Бедронка"», — гремело финансовое ведомство и упрекало сторонников специальных экономических зон, что такие зоны стали уже учреждаться в крупных городах, где уровень безработицы и без того самый низкий в стране, а также в регионах с хорошо развитой инфраструктурой. А сам министр финансов указывал, что и намерения, которыми руководствовались 20 лет назад авторы концепции специальных экономических зон, и выдвигавшиеся тогда условия перестали иметь место, поскольку доля предоставляемых разрешений, которые бы отвечали критериям инновационности или перспективной научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности, «не вызывает удовлетворенности».

Как всё это закончилось? Зоны по-прежнему действуют. И будут действовать по меньшей мере до 2026 г.

Висленский low-tech

Ну хорошо, но, может быть, в польской экономике все-таки произошли какие-нибудь процессы, которые приближают нас к модели, основанной на знаниях? Может, при всех возражениях специальные экономические зоны и климат, благоприятствующий инновационности, принесли хоть немного чего-нибудь хорошего? К сожалению, если придерживаться тех критериев, которые характеризуют экономику, основанную на знаниях, то до подлинной современности нам еще далеко. Обратимся к Питеру Ф. Друкеру, одному из крупнейших авторитетов в области управления. Согласно Друкеру экономика, основанная на знаниях, — это такой экономический порядок, в котором наиболее важным ресурсом являются знания, а не труд или капитал. В экономике, основанной на знаниях, движущей силой в принципе выступает индустрия высоких технологий с доминирующим участием услуг информационного общества, где знания и образование играют ключевую роль и обеспечивают конкурентные преимущества. Профессор Эльжбета Скшипек из люблинского Университета им. Марии Кюри-Склодовской в своих проведенных несколько лет назад исследованиях привлекает ряд синтетических измерителей, которые в этом отношении выставляют польскую экономику далеко не в самом лучшем свете. Первый из таких измерителей — это матрица доступности знаний (Knowledge Assessment Matrix, или КАМ) — нечто вроде индекса, который складывается из целых 33-х частичных показателей, показывающих насыщение экономики знаниями. Максимальное значение КАМ может составить 10 баллов, — а чтобы экономику могли признать основанной на знаниях, она должна набрать минимум 7 баллов. Польша получила 5,7. Дабы сравнить себя с другими странами, можно еще воспользоваться индексом экономики знаний (Knowledge Economy Index). Из сводных данных, которые готовит Всемирный банк, вытекает, что по указанному индексу мы располагаемся где-то далеко внизу, причем позади не только стран Западной Европы, но и государств нашего региона. Нас опережают Чехия, Венгрия, Эстония, Литва и Латвия. Иной, более простой способ определения своего уровня современности — это исследование того, какая доля занятых трудится в различных секторах экономики знаний. Проф. Скшипек сообщает, что для экономики, основанной на знаниях, типично 12-процентное участие работников таких секторов в общей занятости населения. В Польше оно составляет 9,3%. Но даже без обращения к таким усложненным измерителям можно в достаточной мере просто показать, что наша промышленность не предлагает каких-либо слишком изощренных или утонченных продуктов. Об этом свидетельствуют данные Главного статистического управления Польши. Так, реализация новых или существенно усовершенствованных продуктов давала в последние 7-8 лет около 10% суммарного объема

поступлений от продаж. Еще непригляднее выглядит отчетность, которая показывает структуру продаваемой продукции. В 2015 г. (к которому относятся последние доступные данные) высокотехнологичные продукты занимали в структуре продаж всего лишь 5,3%. Хуже того, на протяжении последних 5 лет этот процент отчетливо упал, так как еще в 2010 г. он составлял 6,8%. Преобладает продажа техники умеренно низкого и низкого уровней, поскольку на продукты, принадлежащие к указанным категориям, приходится 66-процентная доля участия в общей сумме продаж. Из этих данных вытекает, что в польской промышленности первую скрипку играет производство продуктов питания, доля которых превышает 17%. А они являются классическим примером низкотехнологичной продукции.

Всё это показывает, что за годы трансформации польская экономика деиндустриализировалась в таком же темпе, как на Западе. Но за этим не последовали изменения, характерные для развитых стран, в частности, такие, как технологический прогресс. Поэтому реиндустриализация в польском варианте должна пониматься скорее в ее классическом смысле, а именно — как постепенный переход от капиталоемкой модели с присущей ей большой потребностью в рабочей силе к модели, основанной на знаниях. Иначе мы можем не только забыть о восстановлении своей промышленной мощи, но и столкнуться с необходимостью исходить из предположения, что в нашей экономике будет все меньше и меньше промышленности. Ведь ей станет трудно всё время конкурировать за счет низкой стоимости труда. Разве что мы согласимся на вечно низкие заработки.

4: Поля

1.

Плебанки не были ни поселком, ни выселками, ни хутором, ни деревней. Просто местом, не существовавшим ни на одной карте.

В Плебанках были два дома. На опушке леса — небольшая усадьба, дом крыт красной черепицей. На лесной поляне — бревенчатая деревенская хата. При усадьбе под козырьком колодец с воротом.

Вокруг простирался лес. В лесу росли лиственницы, березы, липы и старый дуб, памятник природы. У дуба был толстый приземистый ствол и корявые ревматические ветви.

В Плебанки вели две дороги.

Одна, удобная, по липовой аллее, неподалеку от дуба. Вторая — напрямик, по берегу рыбного ручья, проезжая и летом, и в морозы.

В доме с красной черепичной крышей жил Хенрик Махчинский, владелец окрестных лесов и имения в Коцке.

Тут проводила каникулы Поля, его дочка. Когда Поля выросла, приезжали ее сыновья. Всегда было много детей, собак и веселого гомона.

В хате жила няня.

Хенрик Махчинский собирался построить в Плебанках новый большой дом. Привез кирпичи, доски и вырыл яму под фундамент.

Говаривал:

— В Плебанках жизнь будет бить ключом.

Кому б не хотелось, чтобы жизнь была ключом, но Плебанки жизнь обходила стороной.

2.

Поля Махчинская была женщина статная, рослая. У нее были золотисто-рыжие волосы, карие глаза и сильные руки.

У себя в Коцке, на окраине города, во время войны она спрятала в подклети двадцать пять евреев.

Полины сыновья углядели их в щели между досками.

Испугались:

— У нас под полом сидят какие-то люди ...

— Ничего страшного, — успокоила их мать. — Это наши гости. Только никому не говорите, даже дедушке.

Дедушка Хенрик Махчинский безвылазно жил в Плебанках, а Полин муж был в партизанском отряде. О гостях в подклети знали четверо: Поля, ее сыновья и одна женщина, еврейка, прятаясь с детьми в землянке.

На женщину донес поляк, который работал на немцев. Немцы пообещали, что сохранят жизнь ее детям, если она скажет, где другие евреи. Она сказала:

— У Махчинской.

3.

Мы немало знаем про немцев, которые застрелили еврейку, ее детей и пошли искать Махчинскую.

Американские историки — Кристофер Браунинг и Дэниэл Гольдхаген — написали о них обстоятельные книги.

Немцы служили в 101-м резервном полицейском батальоне. Их было пятьсот человек. Они были слишком стары, чтобы идти на фронт. До войны жили в Гамбурге. Работали в доках, мастерских, магазинах, в сельском хозяйстве и государственных учреждениях. Имели жен и детей. Верили в Бога. В сорок втором году приехали в Польшу, на

Люблинщину.

На рассвете их привезли в местечко Юзефов. Выстроили полукругом, и командир сказал, что они будут расстреливать евреев.

Он попросил их, стреляя, помнить о немецких женщинах и детях, убитых союзническими бомбами.

Спросил, чувствуют ли они себя в силах справиться с этой задачей. Один полицейский сил в себе не почувствовал и вышел из шеренги. За ним вышли еще одиннадцать.

Батальонный врач нарисовал прутиком на земле человеческую фигуру и показал место на затылке, куда нужно целиться. Завязалась дискуссия: стрелять из винтовки с примкнутым штыком или без штыка?

Евреев на грузовиках привезли на опушку леса. Каждый полицейский подходил, указывал на одного из них и уводил за деревья. Прицеливался в затылок и стрелял. Возвращался, указывал на следующего и вел за деревья. Совместный путь занимал пару минут. За это время полицейский мог увидеть лицо жертвы, услышать просьбу, плач или молитву.

Был долгий июльский день. Стреляли до вечера. Во время этой, первой, акции в Юзефове убивали семнадцать часов кряду. С перерывами на перекур. Мундиры покрылись ошметками мозгов и кровью. Полицейским кусок в горло не лез, ночью их мучили кошмары. Командир участия в расстреле не принимал, он остался в штабе и плакал. Если так происходит повсюду, — повторял, — немцам нечего рассчитывать на пощаду.

Полицейские 101-го батальона вначале расстреливали сами, потом вывозили евреев в лагеря уничтожения, потом опять сами стреляли...

Они все реже плакали.

Аппетит у них становился все лучше.

Спали они все спокойнее.

Ходили в кино.

Позировали для фото.

Посещали концерты артистических бригад, которые с развлекательными программами приезжали из Германии. Артисты берлинской бригады спросили, можно ли им поехать с полицейскими на акцию. Вместе поехали в Луков. Евреев отвели за город, на песчаную, поросшую редким кустарником поляну. Велели раздеться и лечь лицом на землю. Полицейские стреляли как всегда, в затылок. Артисты пригляделись и спросили, можно ли им тоже пострелять. Полицейские вручили им оружие. Артисты концертной бригады застрелили в Лукове несколько сотен евреев.

Полицейские 101-го батальона были расквартированы в Радзыне. Им разрешалось приглашать к себе родных из Германии. Обер-лейтенант Бранд вызвал жену Луцию, а капитан Волауф с женой Верой провели в Радзыне медовый месяц. Обе женщины любили общество. Стол с едой выставлялся в сад, один из полицейских играл на скрипке, а батальонный врач аккомпанировал на аккордеоне.

Юлиус Волауф взял жену на акцию в Мендзыжец. Он был честолобив и энергичен. Любил ездить на автомобиле — стоя, как генерал, принимающий парад. Его называли Маленьким Роммелем. Вера Волауф появилась в Мендзыжеце в наброшенной на плечи шинели. На рыночную площадь сгоняли евреев. Они несли узелки, подушки, сухари; на руках — детей. Их подгоняли выстрелами и криком. Это продолжалось несколько часов. Жара все усиливалась. Вера сняла шинель и осталась в ярком летнем платье. Платье туго обтягивало ей живот — жена капитана была беременна. Она простояла до самого конца. Пока всех евреев не загнали в вагоны. Пока от них не остались только узелки, сухари и трупы детей на брусчатке, а в воздухе — пух из разорванных подушек. В ноябре 1942 года в Треблинку отправляли евреев из Коцка. Обер-лейтенант Бранд распорядился, чтобы на железнодорожную станцию их отвезли на крестьянских подводах.

Подводы эти ехали целый день...

Ехал Герш Бучко, тот, у которого была крупорушка.

Ехал Шломо Рот, который делал самое вкусное мороженое.

Ехал Яков Мархевка, который продавал лимонад.

Ехали: Цирля Опельман, которая привозила самые шикарные шелка, и ее конкурент Абрам Гжебень.

Цирля Верник — та, у которой на рыночной площади был магазин с басонными изделиями, и Шломо Розенблат, ее сосед, торговавший дамской галантереей.

Ехал Хенох Маданес, торговец скобяными изделиями...

...и Лейб Закалик, владелец мельницы, с братом, детьми и внуками...

Полицейские 101-го батальона вернулись в Германию в конце войны.

Вернулись к прежней, обычной жизни. В доки, магазины, мастерские и конторы. К женам и детям. К Господу Богу.

Почему обыкновенные жители Гамбурга, слишком старые, чтобы идти на фронт, стали убийцами?

Потому что они были немцами, а в Германии ненависти к евреям учили сотни лет, — ответил в своей книге

Дэниэл Голдхаген^{Дэниэл Голдхаген (р. 1959) — американский историк и публицист, автор книги «Добровольные палачи Гитлера: обычные немцы и Холокост» (1996). — Примеч. автора.}

Потому что они были людьми, а из каждого человека можно сделать убийцу, — ответил Кристофер

Браунинг Кристофер Браунинг (р. 1944) — американский историк, автор книги «Обычные люди: 101-й резервный полицейский батальон и «окончательное решение» в Польше» (1992) — Прим. автора.

4.

Один из полицейских сообщил Поле, что немцы узнали про укрытие. Она подняла откидную крышку в полу.

Крикнула: «Немцы!»

Побежала к соседям. Те ее не впустили, она побежала к другим. Оставила у них детей, но они велели детей забрать.

Поля с годовалой дочкой и два маленьких мальчика стучались во все двери подряд. Жители Коцка смотрели на них из-за занавесок. Они уже знали про евреев в подклети и знали, что сейчас нагрянут немцы. Позакрывали окна и двери и смотрели из-за занавесок.

Поля шла все медленнее, на одном ботинке у нее развязался шнурок и волочился по снегу. Она вернулась домой. Запрягла сани.

5.

Евреи открыли огонь из подклети. Полицейские принесли пулемет, стрельба продолжалась несколько часов. Погибли двадцать четыре еврея. Одни на месте, другие на поле за домом. Спасся только Ицек Закалик, внук мельника. Добежал до леса — и исчез. Потом он из этого леса выходил и стрелял. Приговаривал к смерти тех, кто доносил на евреев. Кажется, Ицек тоже погиб, но некоторые говорят, что это неправда. Что он еще живет, один-одинешенек, где-то в лесу...

6.

Поля ехала в Плебанки короткой дорогой, по берегу пруда. Пробирались с трудом, снег был лошадям по колено. В доме с красной черепичной крышей Поля сказала: «Нас ищут», — и ее отец, Хенрик Махчинский, сел в сани. Остановились на поляне, перед хатой. Дети стали играть в снежки. Поля сняла кожух. Платье сильно обтягивало живот, Поля была беременна. Она сняла платье, попросила у няни ночную рубашку и легла в кровать. Немцы тоже приехали на санях. Привезли трех евреев, четвертого волокли по снегу на толстой веревке. Немецкий офицер вошел в хату.

Поля встала с кровати и надела кожух. Офицер велел ей остаться в комнате. Началось следствие. Привели Хенрика Махчинского, Полиного отца.

Офицер спросил:

— Кто прятал евреев?

Поля ответила за отца:

— Я. Только я прятала, он ничего не знал...

Привели няню.

Офицер спросил:

— Кто прятал евреев?

Поля сказала:

— Я. Только я прятала.

Привели Войтека, старшего, семилетнего Полиного сына.

— Кто прятал?..

Поля сказала...

Офицер велел Поле залезть в сани. Она села рядом с тремя евреями. Четвертый, которого волокли на веревке, уже был неживой. Его отрезали и оставили на снегу.

Сани поехали в соседнюю деревню, Аннополь. За первым же овином евреи вырыли могилу для себя и Поли Махчинской.

7.

Еврея, отрезанного от саней, похоронили на берегу пруда.

Троих из-под овина — на еврейском кладбище.

Полю — на католическом.

Сыновья запомнили, что, когда ее хоронили, был лютый январский мороз.

Муж Поли приехал из своего партизанского отряда прямо на кладбище. Постоял над могилой, помолился, обнял сыновей — и снова исчез.

В апреле похоронили отца Поли, Хенрика Махчинского. Полины сыновья запомнили, что было тепло, светило весеннее солнце.

После похорон они с ребятами побежали на пруд.

Всю зиму на прудах держалась толстая ледяная корка. Теперь лед таял, и на воде, брюхом вверх, лежали задохшиеся рыбы.

На берегу стоял рыбак. Он вытаскивал рыб багром и клал в мешок.

Вырыл яму.

Ребята стояли в сосновом молодняке, между деревцами, и наблюдали за его работой. Увидели в яме часть туловища.

— Это ребра, — сказал рыбак.

Рядом лежало что-то сизое, продолговатое, похожее на две сложенные вместе человеческие ладони.

— Это сердце, — сказал рыбак. — Интересно, чье?

— Еврея, — догадался кто-то из мальчиков. — Этого, которого от саней отрезали.

— Еврея сердце, — повторил рыбак, подтащил мешок к яме и бросил туда дохлых рыб.

8.

Один из полицейских рассказал историю Поли на процессе по делу батальона в Гамбурге.

Эта история упомянута в книге Кристофера Браунинга.

«Немецкая полиция, — пишет Браунинг, — бросилась на поиски хозяйки дома, которой удалось убежать.

Женщина отправилась к своему отцу в соседнюю деревню. Лейтенант Бранд поставил отца перед выбором: его жизнь или жизнь дочери. Мужчина отдал дочь, которую застрелили...»

Лейтенант поставил отца перед выбором: его жизнь или жизнь дочери... — показал полицейский, свидетель произошедшего.

Лейтенант поставил отца перед выбором...

9.

После войны землю Махчинских раздали крестьянам. Лес оставили Полиным детям.

Дом с красной черепичной крышей кто-то купил, разобрал и перенес в другую деревню.

Кто-то другой забрал козырек и ворот с колодца. Над землей осталось серое бетонное колодезное кольцо.

Полины сыновья, Войтек и Славек, приезжали в Плебанки каждое лето. Жили в няниной хате. Они очень любили это место, которого не было ни на одной карте. Поляну среди деревьев, куст сирени около хаты, две одичавшие яблоньки...

Войтек не раз говорил, что по лесу блуждают добрые заботливые духи.

Войтек приезжал с собакой по кличке Дриф. Это был серый, почти серебряный шпиц. Второй шпиц в семье, после Полиного Фифрека — желтого с белыми подпалинами. У Поли было много животных: лошади, кошки, собаки, — но Фифрек был самый любимый. После ее смерти он перестал есть и через две недели сдох.

Пару лет назад Войтек пошел гулять с Дрифом. Пес убежал вперед и исчез. Войтек прочесал лес, собаки нигде не было. Вернулся на опушку и вспомнил про колодец около дома, крытого красной черепицей. Нашел этот колодец. Кто-то украл бетонное кольцо, в земле зияла чернотой четырехметровая дыра. Из черноты доносился собачий визг...

Войтек нагнулся...

Трупы Дрифа и Войтека с немалым трудом вытащили из колодца местные крестьяне.

10.

Есть лес: золотисто-красные осенние березы.

Есть поляна в лесу.

Есть старая бревенчатая хата на поляне.

Есть Плебанки.

Гражина, внучка Поли, высокая, кареглазая, с золотисто-рыжими волосами, не подходит к колодцу, в котором утонул ее отец. Не заходит в хату, в которой допрашивали бабушку. Не спускает с рук сына. Оберегает его от духов Плебанок.

— Мама стояла вот здесь, — показывает в бревенчатой хате Славек, младший сын Поли. — Лицом к окну.

У окна стоял немецкий офицер. (Благодаря книге Кристофера Браунинга мы знаем, что это был лейтенант Бранд.) Из той двери, из кухни, входили по очереди...

— Кто прятал евреев? — спрашивал Бранд.

Полин отец мог сказать:

— Я прятал, дочка ничего не знала.

Но отец молчал, и Поля повторила свое:

— Только я...

— Она, да? — уточнил немец, с интересом глядя на старого человека.

Отец Поли молчал.

Через четыре месяца он умер. Не болел, ни на что не жаловался. Перестал есть и умер.

Полин муж снова приехал из партизанского отряда. Стоял в саду, под апрельским солнцем, над тазом. Мыл шею и лицо, кто-то поливал ему из кружки. Сыновья стояли рядом и рассказывали новости: сперва Фифрек перестал есть — не ел, пока не умер, потом дедушка перестал есть...

Пошли хоронить дедушку Махчинского. После похорон отец исчез, а ребята побежали на пруд. Увидели задохшихся рыб на воде, а на берегу рыбака с мешком.

11.
Незадолго до смерти Поля Махчинская дала Ривке, еврейской девушке из Коцка, арийские документы. Дала варшавский адрес родителей мужа. На железнодорожную станцию велела ехать на крестьянской подводе. Ривке было двадцать лет. Она была дочкой плотника Шмуля Гольдфингера. У них была мастерская во флигеле, на Броварной.
Девушка попросила соседа-поляка отвезти ее на вокзал.
— Убирайся! — крикнул сосед, и Ривка спросила у Поля, что делать.
— Подожди, — сказала Поля, побежала куда-то и вернулась с немецким полицейским.
— Отвезешь ее? — спросил полицейский соседа и взялся за пистолет.
Сосед запряг лошадь и отвез Ривку на станцию.
Она пережила войну. Ее мать Шпринца, пять ее сестер — Сара, Леа, Хава, Блюма и Цеся, и ее брат Лейзор погибли в Трешлинке. Отца немцы убили в Лукове, во время массовой акции. Наверно, артисты застрелили, из концертной бригады. На песчаной, поросшей редким кустарником поляне.

12.
Полицейский сообщил Поле, что немцы уже знают про укрытие...
Полицейский заставил соседа поехать с Ривкой...
Полицейского этого видели с Полей, он время от времени приезжал в Плембанки. «Родом из Гамбурга, высокий блондин, лет пятидесяти...» — писала мне Ривка Гольдфингер из Израиля.
Он любил Полю?
Догадывался, что у нее в подклети гости?
Она ему про них сказала?
Верила, что в черный час он ее защитит?

13.
Когда в Аннополе, за овином, трое евреев из саней уже были убиты и осталось убить только Полю, лейтенант Бранд обратился к полицейскому, которого не раз с ней видели:
— Стреляй.
Полицейский поднял винтовку. Сказал:
— Ich kann nicht, — и опустил ствол.
Бранд ждал.
Полицейский поднял винтовку — и опустил.
— А теперь можешь? — спросил Бранд и приставил полицейскому к виску пистолет.

14.
Люди из Аннополя рассказали об этом Полиной двоюродной сестре. Двоюродная сестра живет за старым дубом, у дороги в Плембанки.
Говорит она громко, пронзительно — оттого что глухая, а может, от волнения.
— Поднял винтовку и не смог!
— Три раза пробовал!
— Аж пистолет ему приставили: ну а теперь?!
— В третий раз только!
— В третий раз смог!
— Аж ему пистолет приставили!
— С третьего раза!
Кричит из-за дуба, через забор, ревматическая и корявая.
Швыряя слова, выкрикивает последние минуты жизни Аполонии Махчинской^{Национальный институт памяти Яд Вашем} в Иерусалиме посмертно наградил Аполонию Махчинскую-Швентек медалью Праведника народов мира. (Прим. автора).
Последние минуты истории любви полицейского из Гамбурга.
Плембанки

Рассказ выходит осенью 2017 г. в книге Ханны Краль «Портрет с пулей в челюсти и другие истории», издательство Corpus. Перевод Ксении Старосельской.